

**МАСТЕРА
ПСИХОЛОГИИ**

Е. П. Ильин

ПСИХОЛОГИЯ ВОЛИ

2-е издание

ПИТЕР

Мастера психологии

Евгений Ильин

Психология воли

«Питер»

2009

Ильин Е. П.

Психология воли / Е. П. Ильин — «Питер», 2009 — (Мастера психологии)

Второе, переработанное и дополненное, издание учебного пособия (предыдущее вышло в 2000 г.) посвящено одному из важнейших разделов общей психологии – теории и методологии изучения волевых процессов. В книге с авторской позиции проанализированы традиционные и новейшие научно-философские, психологические и физиологические представления о явлениях волевой сферы человека (в частности, о «силе воли»), прослежены закономерности ее развития в онтогенезе, а также ее проявления в различных видах поведения и деятельности, рассмотрены вопросы патологии воли. В систематизированном виде в пособии представлены малоизвестные психодиагностические методики изучения воли, которые могут быть с успехом использованы в практической деятельности специалистов системы образования, спортивной и производственно-организационной сферы. Издание адресовано психологам, психофизиологам, педагогам, а также студентам вузовских факультетов психологического и педагогического профилей.

© Ильин Е. П., 2009

© Питер, 2009

Содержание

Предисловие ко второму изданию	5
Предисловие к первому изданию	6
Введение	8
Глава 1. Теории воли	13
1.1. Воля как волюнтаризм	13
1.2. Воля как свободный выбор	18
1.3. Воля как произвольная мотивация	24
1.4. Воля как долженствование	32
1.5. Воля как особая форма психической регуляции	34
1.6. Воля как контроль за действием	37
1.7. Воля как механизм преодоления внешних и внутренних препятствий и трудностей	38
1.8. Слабости противоборствующих по вопросу о природе воли направлений	42
Глава 2. Воля как произвольное управление поведением и деятельностью человека	45
2.1. Является ли воля реальным психологическим явлением?	45
2.2. Воля как синоним произвольности	49
2.3. Воля – это волевая регуляция или произвольное управление?	51
2.4. Структура произвольного акта	55
2.5. Произвольные и волевые действия	59
Глава 3. Психофизиологические механизмы произвольного управления поведением и деятельностью	63
3.1. Условно-рефлекторные теории произвольного управления	63
3.2. Функциональные системы и произвольное управление действиями и деятельностью	66
3.3. Сознательность и преднамеренность как признаки произвольного управления	71
3.4. Связь произвольного управления с речевыми сигналами	78
3.5. Представление как компонент произвольного управления	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Е. П. Ильин

Психология воли

Предисловие ко второму изданию

За время, прошедшее после первого издания этой книги (2000 г.), существенных сдвигов в исследовании проблемы психологии воли не произошло. По-прежнему некоторые физиологи с нескрываемой иронией спрашивают: «А что такое воля?» По-прежнему В. А. Иванов пишет, что «понятие воли не означает какую-то реальность, а является теоретическим конструктом, введенным в науку для объяснения этой реальности» [2006, с. 186]. По-прежнему утверждается, что «неправомерно переходить к обобщениям в плане понимания воли вообще» (Ю. Б. Гиппенрейтер [2005, с. 17]) и что волевые функции являются частным случаем произвольных функций. Однако при этом не объясняется, что же такое произвольные функции и чем они отличаются от волевых [там же, с. 16].

По-прежнему количество публикаций о воле можно пересчитать по пальцам одной руки, а само понятие «воля» является редким гостем в фундаментальных трудах не только российских, но и западных психологов. Правда, есть и признаки возрождения интереса к этой проблеме. Так, в переиздании книги Х. Хекхаузена «Мотивация и деятельность» (2003) появилась глава «Волевые процессы: реализация интенций». Однако это оказалось нужным автору не для того, чтобы включить мотивацию в структуру волевого (произвольного) поведения, а для того, чтобы отделить мотивацию от волевых процессов. Между тем Б. Раш писал, что воля без мотивов так же невозможна, как зрение без света или слух без звука [цит. по: Ярошевский, 1986, с. 156].

Поэтому в двух моих книгах, «Психология воли» и «Мотивация и мотивы» (как частично и в третьей – «Эмоции и чувства»), рассматривается одна и та же проблема – *психология произвольного (волевого) управления поведением и деятельностью человека*. Изложение этой проблемы в одной книге нереально из-за чрезмерно большого ее масштаба. Если же пойти по пути сокращения материала, то потеряется много интересной и важной информации, относящейся к волевой, мотивационной и эмоциональной сферам человека, изучение каждой из которых может представлять самостоятельный интерес.

Во второе издание данной книги включены некоторые новые теоретические и экспериментальные данные о воле, а параграф «Безвольное поведение» первого издания расширен за счет обсуждения вопроса о лени и выделен в самостоятельную главу. В приложении приводятся методики выявления лени.

Предисловие к первому изданию

Когда после сражения у Бородино в 1812 г. прославленный кавалерист наполеоновской армии маршал Мюрат укорял своих генералов в недостаточной энергичности кавалерийских атак, один из генералов ответил: «Во всем виноваты лошади – они недостаточно патриотичны. Наши солдаты воюют блестяще, если у них нет даже хлеба, но лошади без сена не трогаются с места» [Роковые решения вермахта, 1999, с. 126–127].

В этом диалоге отразилось главное отличие поведения человека от поведения животных – у человека имеются мотивация и «сила воли».

Проблема воли, произвольной и волевой регуляции поведения и деятельности человека, давно занимает умы ученых, вызывая острые споры и дискуссии. Еще в Древней Греции обозначились две точки зрения на понимание воли: аффективная и интеллектуалистическая. Платон понимал волю как некую способность души, определяющую и побуждающую активность человека. Аристотель связывал волю с разумом. Этот дуализм в той или иной форме сохранился и до сего времени.

Несмотря на то что за последнюю четверть века защищено несколько докторских диссертаций по этой проблеме, она все еще далека от разрешения. До сих пор взгляды психологов резко расходятся даже по самым узловым вопросам, связанным с данной темой. Одни отрицают наличие воли как самостоятельного психологического явления, ставят под сомнение ценность самого понятия «воля» (Г. Инглиш, А. Инглиш [H. English, A. English, 1958]), другие, отстаивая самостоятельность воли, видят только одну ее сторону – способность преодолевать затруднения и препятствия (А. Ц. Пуни [1973; 1977]). И нередко в научных работах произвольная регуляция оказывается оторванной от воли.

Физиологами же проблема воли и произвольного управления попросту игнорируется. Ни в одном из учебных пособий по высшей нервной деятельности, вышедшем за последние десятилетия, эта проблема даже не упоминается, как будто ее нет вообще.

Все это вызывает значительные трудности при изложении проблемы воли как в процессе преподавания психологии, так и при поиске адекватных методов диагностики степени развития «силы воли».

Одной из задач данной монографии является критическое рассмотрение проблемы воли как произвольного, т. е. сознательного и преднамеренного (*мотивированного*) управления со стороны человека своим поведением, деятельностью, эмоциями.

Вопрос о сущности воли с самого начала оказался тесно связанным с проблемой мотивации, с объяснением причин и механизмов активности человека. Изучая волю, ученые неизбежно затрагивали вопросы мотивации, а изучая мотивацию – непременно касались и волевой регуляции. И это не случайно, так как оба этих направления в психологии обсуждают одну и ту же проблему – механизмы сознательного целесообразного поведения. Однако это не мешает ученым в одном случае отождествлять волю и мотивацию, а в другом – отрывать их друг от друга. И то и другое приводит в итоге к тому, что мотивация в большинстве случаев исследуется как самостоятельная проблема. Вследствие этого воля и мотивация в качестве побудителей и регуляторов деятельности рассматриваются как *самостоятельные* психические феномены. Например, В. И. Селиванов заметил, что «несомненной заслугой научной психологии является установление тесной связи воли человека с его системой побуждений» [1971, с. 9]. Моя же позиция состоит в том, что необходимо говорить не просто о связи воли и мотивации, а о включенности мотивации человека в его волю. Еще Н. Ах [Ach, 1905] писал, что из двух сторон проблемы воли – осуществление намерения и детерминация – в научных работах изучалась только вторая сторона. Тем самым он включил мотивацию в волю.

Особенностью моего подхода к изложению вопроса о волевой сфере является то, что я рассматриваю не волю как мотивацию (точнее, волю – не только как мотивацию), но, наоборот, мотивацию – как волевою (произвольную) интеллектуальную активность человека, *как существенную часть произвольного управления.*

Однако пусть читателя не удивляет, что данная книга не касается вопросов мотивации. Этой обширной и относительно самостоятельной проблеме посвящена другая моя книга (Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб., 2000). В то же время по замыслу обе книги составляют единое целое, и в книге «Мотивация и мотивы» лишь подробно рассматривается одна из функций произвольного управления (воли).

Несмотря на то что мотивация составляет с волей единое целое – так как без мотивации нет воли, – функции воли не сводятся только к побуждению активности человека (самодетерминации). Она проявляет себя и в инициации (запуске) действий, и в сознательном контроле за ними, и в преодолении возникающих по ходу деятельности затруднений. В связи с этим в книге рассматриваются вопросы самоинициации действий, самоконтроля и самомотивации. Здесь подробно анализируются соотношения между произвольным управлением и волевой регуляцией; вскрывается, что стоит за понятием «сила воли»; по-новому раскрывается сущность и структура волевых качеств; дается описание способов развития волевой сферы человека и ее нарушение при различных патологиях. В конце книги приведены научный и бытовой волевой словарь терминов и фраз, а также методы и методики изучения волевой регуляции.

При написании данной книги я опирался не только на литературные источники, малодоступные для широкого круга читателей, но и на обширные экспериментальные данные, полученные моими учениками.

Введение

Поведение человека обуславливается различными физиологическими и психологическими механизмами. Это, с одной стороны, безусловно-рефлекторные и условно-рефлекторные механизмы, определяющие произвольную активность человека, и, с другой стороны, произвольное управление, связанное не только с физиологическими, но и с психологическими механизмами (рис. 1).

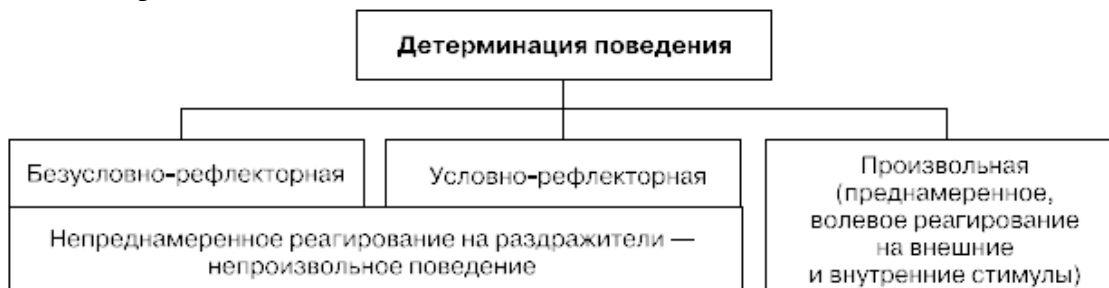

Рис. 1. Виды механизмов детерминации поведения

Словесные обозначения причин проявления человеком активности в соответствии с вышеприведенной схемой можно разделить на три группы. В первую входят слова, означающие активность, не управляемую личностью, во вторую – слова, означающие произвольную активность, вызванную потребностями и желаниями человека, и в третью – слова, означающие вынужденную активность человека, которую он проявляет против своего желания или при отсутствии такового (табл. 1).

Таблица 1. Классификация слов-понятий, характеризующих физиологические и психологические механизмы активности человека

1	2	3
Спонтанно	Намеренно	Вынужденно
Рефлекторно	Преднамеренно	Поневоле
Инстинктивно	Произвольно	Волей-неволей
Невольно	В соответствии с замыслом	По обязанности
Непроизвольно	Умышленно	По долгу
Импульсивно	Сознательно	По надобности
Безотчетно	Добровольно	По принуждению
Подсознательно	По желанию	Насильно

Начало рефлекторному подходу в изучении механизмов поведения положил французский ученый Р. Декарт (первая половина XVII в.), говоривший о машинообразном характере поведения человека и животных. Однако машинообразность, рефлекс Р. Декарт относил только к неосознаваемым (телесным) функциям, куда, между прочим, он включил и ряд психических функций (ощущение, восприятие, представления, память, воображение, аффекты). Собственно психическим Р. Декарт считал только то, что пронизывается разумом или осознается мыслящей субстанцией. Наличие двух субстанций (телесной и духовной) привело к психофизическому параллелизму в понимании механизмов управления жизнедеятельностью и поведением человека, существованию двух независимых друг от друга механизмов, которые иногда вступают во взаимодействие друг с другом. Местом встречи духовного и телесного Р. Декарт считал шишковидную железу, с его точки зрения, – орган мыслящей субстанции.

Возможность... превращения сознательных произвольных движений в автоматические дала повод некоторым психологам утверждать, что и все вообще развитие психической жизни шло именно этим путем. С точки зрения волюнтаристической психологии, считающей волю основным принципом психической жизни, нет ничего невозможного в том, что все действия и движения живых существ вначале были произвольны, а затем, по мере повторения и привыкания, сделались механическими. С этой точки зрения и рефлекс когда-то на первых ступенях своего возникновения был также произвольным, сознательным двигательным актом, а затем механизировался.

В противоположность этому другая школа утверждает, что, напротив, волевое усилие представляет собой нечто вторичное, производное и что сознательные волевые акты возникли уже в самом конце эволюции, как ее венец и завершение. Согласно этой теории, развитие волевых действий шло таким образом: вначале, на первых ступенях животной жизни, существовали лишь самопроизвольные движения и простые, бессознательные рефлексы, представлявшие собой реакцию организованной материи на внешние раздражения. Благодаря многократному повторению одних и тех же двигательных реакций возникли явления памяти или смутно сознаваемые представления о тех движениях, которые раньше совершались. Эти двигательные представления и явились, согласно упомянутой выше теории, зачатками сознательных волевых актов. Когда человек хочет чего-нибудь достигнуть, то в его сознании возникает, с одной стороны, представление о цели данного действия, а с другой стороны – представление о тех движениях, которые нужно совершить для достижения этой цели.

Лазурский А. Ф. Волевые процессы. Избранные труды по общей психологии. Психология общая и экспериментальная. СПб., 2001. С. 233–234

В целом в поведении и деятельности человека Р. Декарт выделил три уровня: условно-рефлекторные акты, страсти души и, наконец, мышление и волю, с которыми связано осуществление произвольных актов.

Животное управляется своими органами, человек управляет своими органами и господствует над ними.

И. В. Гёте

Эволюционное учение Ч. Дарвина дало сильный толчок к стремлению ученых свести к минимуму различия между человеком и животными. На первые позиции в изучении механизмов управления поведением вышли физиологи. И здесь в первую очередь надо назвать великого русского ученого И. М. Сеченова.

Детерминизм И. М. Сеченова состоит в том, что вся внешняя активность человека, включая и высшую произвольность, связанную с мотивами долга, любви к Родине и т. п., рассматривалась им как рефлексы, которые начинаются с чувственного возбуждения, а не по велению абстрактной воли. А значит, причинность поведения человека материальна, объективна, поскольку вызывающие чувственное возбуждение сигналы тоже материальны, объективны.

Особое место И. М. Сеченов отвел волевой (произвольной) активности человека, выделяя в ней не только физиологические механизмы, но и психологические. В связи с этим он писал: «Воля властна пускать в ход в каждом данном случае не только ту форму движения, которая ему наиболее соответствует, но любую из всех, которые вообще известны человеку. Мне хочется плакать, а я могу петь веселые песенки, танцевать; меня тянет вправо, а я иду влево; чувство самосохранения говорит мне “стой, там тебя ожидает смерть”, а я иду дальше. Воля не есть какой-то безличный агент, распоряжающийся только движением, – это и деятель-

ная сторона разума и морального чувства, управляющая движением во имя того или другого и часто наперекор даже чувству самосохранения... Эта-то ярко осознаваемая возможность, выражающаяся в словах “я хочу и сделаю”, и есть та неприступная с виду цитадель, в которой сидит обыденное учение о произвольности» [1953, с. 177–178].

Хотя произвольное поведение человека у И. М. Сеченова и рефлекторно, но понимание рефлекса имеет существенные отличия от традиционного для того времени. Под «мозговой машиной» И. М. Сеченов понимал не простое передаточное устройство внешнего раздражителя на двигательный аппарат, а механизм, снабженный несколькими центрально-нервными придатками, от деятельности которых зависит конечный эффект воздействия внешнего импульса, т. е. поведение человека: тормозные центры, центры эмоций, память о прежних воздействиях.

К сожалению, при дальнейшем развитии рефлекторной теории многое из взглядов И. М. Сеченова на произвольность поведения было утеряно, в частности исчезло понимание психологических механизмов. Произвольная регуляция свелась к условно-рефлекторной, и поведение человека, не говоря уже о поведении животных, во многом опять стало рассматриваться как машинообразное.

Воля: 1) способность осуществлять свои желания, поставленные перед собой цели; 2) сознательное стремление к осуществлению чего-нибудь; 3) пожелание, требование; 4) властность, возможность распоряжаться; 5) свобода в проявлении чего-нибудь; 6) свободное состояние (не взаперти, не в тюрьме и т. п.).

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1985. С. 82–83

Сложность изучения проблемы воли состоит в том, что как в обыденном, так и в научном сознании воля понимается по-разному. В обыденном сознании она предстает то как свобода («вольный казак», «вольному воля»), то как выражение желания человека (вспомним «Сказку о золотом петушке» А. С. Пушкина: «Волю первую твою / Я исполню как мою»; или, например, в обыденном языке «делать что-то насильно» означает «делать против своей воли, желания»), то как проявление силы характера (противопоставление: волевой – безвольный). Этот разницей в обыденном понимании воли нашел отражение и в научном ее понимании двумя противоборствующими направлениями. Одно из них связано со свободой воли, свободой выбора, независимо от внешних обстоятельств, другое – с детерминизмом, с внешней обусловленностью поведения человека, которая превращает его чуть ли не в автомат.

С аффектами тесно связан следующий класс важных сложных длительных процессов – волевые процессы. Часто еще и в наше время принимают волю за особый, специфический психический элемент или же сущность ее усматривается в представлении действий с известным намерением. Более точное исследование волевого процесса по его субъективным и объективным признакам показывает, однако, что он самым тесным образом связан с аффектами и поэтому может наряду с ними считаться течением чувствований.

Нет ни одного акта воли, в который не входили бы более или менее интенсивные чувствования, соединяющиеся в аффект. Характерное отличие волевого процесса от аффекта заключается, в сущности, лишь в конечной стадии непосредственно предшествующего волевому действию и сопровождающего его процесса. Если эта конечная стадия отпадает, то остается чистый аффект. Так, например, мы говорим об аффекте гнева, если человек выказывает свое гневное возбуждение только в выразительных движениях; напротив, мы говорим о действии под влиянием

аффекта, если человек в гневе, например, свалит своего противника ударом на пол. Во многих случаях аффекты и их содержания чувствований, образующие конституирующие составные части волевого процесса, бывают слабые, но совсем они никогда не отсутствуют. Произвольное действие без аффекта, на основании чисто интеллектуального обсуждения, как оно допускалось многими философами, вообще не возможно. Но волевые процессы, конечно, отличаются при этом от обыкновенных аффектов некоторыми признаками, придающими воле ее своеобразный характер. Во-первых, определенные, входящие в волевой процесс представления, более или менее окрашенные в чувствования, находятся в непосредственной связи с конечной стадией, волевым поступком, и последний подготавливается этой связью. Мы называем такие подготавливающие, связанные с чувствованиями, представления мотивами или «побудительными причинами» действия, «побуждениями» к поступку. Во-вторых, эта конечная стадия состоит из характерных чувствований, которые повторяются при всех волевых явлениях в сходной по существу форме. Обыкновенно мы называем их чувствованиями деятельности, активности. Они слагаются... из чувствований возбуждения, напряжения и разряда. При этом возбуждение и напряжение предшествуют заключительному действию, разряд в связи с возбуждением сопровождает его и продолжается еще некоторое время спустя.

Вундт В. 2002. С. 44–45

...Хотя существовало немало попыток игнорировать понятие воли – исключить его из научного психологического словаря, передать его в ведение философии или вовсе объявить «несуществующим», – авторы серьезных теорий и подходов считали необходимым обращаться к обсуждению проблем воли в рамках своего категориального аппарата.

Гиппенрейтер Ю. Б. О природе человеческой воли // Психологический журнал. 2005. № 3. С. 15

При этом одни авторы под волей понимают всякую произвольную регуляцию (либо более широко, что приводит к волюнтаризму; либо более узко, трактуя волю как произвольную мотивацию), другие же склонны учитывать только те акты человеческого поведения, которые ориентированы на преодоление трудностей и препятствий. Последнее направление по существу понимает волю как силу воли (отсюда и характеристики человека как волевого или безвольного). Совершенно очевидно, что понимание воли сквозь призму свободы воли (что хочу, то и делаю, вопреки необходимости, ситуации) явно противоречит пониманию воли как, прежде всего, силы воли, когда человек ограничивает свои желания, побуждения, исходя из целесообразности, обстоятельств. Отсюда проистекает существующая неоднозначность в понимании волевой (произвольной) и неволевой активности. С другой стороны, в физиологии имеется тенденция сводить волю к речевым самоприказам, к саморегуляции с участием второй сигнальной системы.

Нельзя не отметить и того обстоятельства, что в работах одних исследователей (В. А. Иванников) наблюдается стремление вытеснить из волевой сферы психические явления, которые могут быть объяснены и без использования понятия «воля» (появляется даже тенденция, по примеру западной психологии, тему «Воля» в учебниках вообще не рассматривать), другие же исследователи (В. К. Калинин), наоборот, считают, что многие ранее полученные факты необходимо трактовать именно с позиции теории воли.

Высказываются различные точки зрения относительно природы волевого усилия, состава и сущности разных волевых качеств, способов их развития. Значительные трудности имеются

и при определении уровня развития этих качеств. Отсутствие экспериментальных методов изучения многих волевых качеств, с точной количественной фиксацией характеристик волевого поведения, вынуждает прибегать к субъективным методам исследования – наблюдению и интерпретации поведенческих актов, опросу, самооценке. Часто результаты объективного и субъективного изучения волевых проявлений существенно расходятся. Кроме того, на проявление волевых качеств значительное влияние оказывает сила мотива, которая точно не измеряема.

К настоящему времени сформировалось несколько научных направлений, по-разному истолковывающих понятие «воля»: воля как волюнтаризм, воля как свобода выбора, воля как произвольное управление поведением, воля как мотивация, воля как волевая регуляция. Правда, подчас причисление того или иного автора к какому-либо направлению становится чисто условным, так как в излагаемой им точке зрения можно встретить моменты, относящиеся к разным направлениям.

Глава 1. Теории воли

1.1. Воля как волюнтаризм

В попытках объяснить механизмы поведения человека в рамках проблемы воли возникло направление, получившее в 1883 г., с легкой руки немецкого социолога Ф. Тённиса, название «волюнтаризм» и признающее волю особой, надприродной силой. Согласно учению волюнтаризма, волевые акты ничем не определяются, но сами определяют ход психических процессов. Формирование этого по существу философского направления в изучении воли имеет свою предысторию. Эпикур первым поставил вопрос о спонтанном, ничем не детерминированном, свободном выборе поведения. Причиной возникновения подобного учения явился кризис представлений античной философии о том, что главной духовной способностью человека является разум, мышление. Блаженный Августин выдвинул положение о том, что действиями души и тела управляет воля. Именно она побуждает душу к самопознанию, строит из чувственных впечатлений вещей их образы, извлекает из души заложенные в ней идеи. Первенство воли перед интеллектом подчеркивал и И. Д. Скотт («воля выше мышления»).

Еще дальше пошли немецкие философы А. Шопенгауэр и Э. Гартман, объявившие волю космической силой, слепым и бессознательным первопринципом, от которого берут свое начало все психические проявления человека. Сознание и интеллект являются, по Шопенгауэру, вторичными проявлениями воли.

Свобода есть не что иное, как сознательное и добровольное подчинение неизменным истинам.

Ш. Гуго

Таким образом, в крайнем своем выражении волюнтаризм противопоставлял волевое начало объективным законам природы и общества, утверждал независимость человеческой воли от окружающей действительности.

Оформившись в трудах А. Шопенгауэра в качестве самостоятельного философского направления, волюнтаризм проник и в психологию. Волюнтаристского взгляда на проблему воли придерживались многие видные психологи конца XIX – начала XX в.

Против такого понимания поведения человека и связанного с этим объяснения воли выступали многие философы и психологи. В частности, еще Б. Спиноза отрицал беспричинное поведение, поскольку сама «воля, как и все остальное, нуждается в причине». Поэтому он писал: «Люди заблуждаются, считая себя свободными. Это мнение основано на том, что свои действия они сознают, причин же, которыми они определяются, не знают» [1957, с. 433]. В то же время сам философ понимал волю как такое стремление человека, которое относится только к душе, а не к телу. Воля у Б. Спинозы – это способность, благодаря которой душа утверждает или отрицает, определяет, что истинно, а что ложно, а желание – способность, благодаря которой душа домогается какой-либо вещи или отвергается от нее.

Мы тем свободнее, чем больше мы поступаем сообразно рассудку, и тем больше поработаны, чем больше поддаемся страстям.

Г. В. Лейбниц

И. Кант признавал в равной степени доказуемыми как тезис о свободе воли, так и антитезис о том, что воля несвободна. Решая проблему человеческой свободы, Кант подверг критическому анализу как христианское учение о свободе воли, так и концепции механистического детерминизма. Несостоятельность христианского учения о воле И. Кант видел в том, что в нем

конечной причиной человеческих поступков выступает не сам человек, а бог. И поскольку эта причина находится вне власти человека, он в конечном счете остается безвольной игрушкой сверхъестественных сил.

Но и механистический детерминизм, по мнению Канта, является фаталистическим учением, которое превращает человеческое поведение в игру марионеток, трактуя человека лишь как природное существо. В действительности же, писал Кант, человек – не пассивно-механическое, а деятельностно-волевое существо, поскольку он способен ставить перед собой определенные цели и в соответствии с ними строить свои действия. Ошибка материалистов, полагал Кант, состоит в том, что на место божьего всемогущества они ставят могущество природы, перед которой человек оказался таким же беспомощным, как и перед богом. В обоих случаях над человеком стоят внешние, чуждые ему силы.

Стремясь к компромиссу между материализмом и идеализмом, И. Кант выдвинул тезис о двойственности человека: он является эмпирическим и умопостигаемым существом. В качестве первого человек подчинен причинным связям чувственного мира и не обладает свободой. Но как умопостигаемое существо, обладающее нравственной волей, он абсолютно свободен. В отличие от воли, которая определяется чувственными побуждениями, волю, происходящую от разума, И. Кант называл свободной волей. Он считал, что воля становится свободной при подчинении ее нравственному закону. В силу этого человек оказывается способным действовать не только по чувственным впечатлениям (желаниям), но и на основании представлений о полезном и вредном. «Свободу должно предполагать как свойство воли всех разумных существ», – писал И. Кант [1964, с. 300].

В отличие от волюнтаристов, Кант доказывал, что воля должна быть детерминирована, однако в этой роли выступают не внешние, эмпирические побуждения, лишаящие человека свободы, а ничем не обусловленный, существующий априори, до опыта, нравственный закон, известный любому здравому рассудку. По мнению И. Канта, мысль о свободе человеческой воли навязывается нам именно этим законом. Не будь нравственного закона, люди никогда бы не думали ни о какой свободе воли и не испытывали бы в ней никакой необходимости. Только следуя долгу, человек свободен в своих поступках, ибо долг как нравственный закон имеет свой источник в самой личности.

Г. Гегель пытался преодолеть дуализм кантовской концепции, согласно которой человек оказывается раздвоенным на мыслящего, с одной стороны, и волящего – с другой. По его образному выражению, воля у человека, если следовать И. Канту, находится как бы в одном кармане, а мышление – в другом.

Г. Гегель свободу воли считал свободой вообще, включая в нее свободу слова, религиозную свободу и т. д., переведя рассмотрение этого вопроса из личностного аспекта в социально-политический. Свобода, по Гегелю, есть сама воля; это тождественные, по своей сути, понятия.

В отличие от Канта, обособлявшего волю от мышления, Гегель выдвинул тезис об их единстве: вне и помимо мышления воля невозможна, и она не является некой особой сущностью, наличествующей в человеке наряду с мышлением. Мышление и воля, по Гегелю, – это две стороны духа: теоретическая и практическая; они взаимно проникают и дополняют друг друга. Различие же между ними состоит в специфике подхода к внешнему миру: мышление стремится наиболее адекватно его познать, а воля – преобразовать.

Свободу воли Гегель рассматривал как необходимую предпосылку практической деятельности человека. Содержательные компоненты человеческого сознания – цели, стремления и т. п. – сами по себе существуют лишь в форме возможности; это только намерения человека. И только воля переводит их из возможности в действительность. Поэтому воля у Гегеля есть деятельность человека.

Антиподом понятия свободы воли является в учении Гегеля понятие произвола. Здесь он следовал за французскими просветителями, один из которых, Ш. Монтескье, подчеркивал, что «свобода состоит совсем не в том, чтобы делать то, что хочется... Свобода может заключаться лишь в том, чтобы иметь возможность сделать то, чего должно хотеть...» [1955, с. 288–289].

Произвол, по Гегелю, это низшая ступень развития воли, «отрицательная свобода». На этой ступени мы имеем дело с природной волей, содержание которой составляют страсти, влечения, склонности и т. п. В социальном плане произвол есть выражение крайнего субъективизма и эгоизма, идущего вразрез с принципами, регулирующими жизнедеятельность человека в интересах общества в целом. Сознательный, свободный человек должен подавлять в себе субъективистские тенденции и воспитывать «чувство ничтожности себялюбия».

Последний представитель немецкой классической философии Л. Фейербах тоже стремился найти научное решение проблемы свободы воли. Поэтому он отбросил представления о свободе воли как о сверхъестественном феномене некоей сущности, лишенной материального носителя.

Воля, считал Фейербах, может быть лишь у живого, чувствующего человека, «ибо что такое воля, как не желающий человек?» [1955, с. 580]. Предмет, способный удовлетворить желание, становится желаемым и вызывает ощущение, которым направляется стремление субъекта к этому предмету. Поэтому первым условием проявления воли, по Фейербаху, служит ощущение. Где оно отсутствует, там нет и воли. В этом смысле воля не свободна, но она хочет быть свободной.

Л. Фейербах выступал против гегелевского отождествления воли и мышления, хотя и не отделял их друг от друга: нет мышления без воли, она должна присутствовать в нем, так как в противном случае мышление было бы пустым, бесплодным и мертвым.

Однако Фейербах критиковал механистический детерминизм (присутствующий в понимании воли как рефлекса) за абсолютизацию необходимости, приводящей к фатализму. «Ни одно человеческое действие не случается, конечно, с безусловной абсолютной необходимостью, ибо между началом и концом, между чистой мыслью и действительным намерением, даже между решением и самим действием может еще выступать во мне бесчисленное количество господствующих звеньев...» [там же, с. 639].

Против волюнтаризма выступали и физиологи, которые волевое (произвольное) поведение рассматривали не только как детерминированное, но и как рефлекторное. Впервые это положение было обосновано И. М. Сеченовым в его классической работе «Рефлексы головного мозга». Сеченов категорически не соглашался с тем, что «так как человек волен поступать и согласно своим мыслям и желаниям, и наперекор им, – значит, между ним и поступками должна стоять особая свободная сила, которая и называется волей» [1953, с. 246].

Свободна ли наша воля или она всецело определяется теми условиями, внешними и внутренними, среди которых мы живем и действуем? На этот вопрос как наше непосредственное сознание, так и научные данные допускают двоякого рода ответ: с одной стороны, мы чувствуем себя свободными в своих поступках, действиях и решениях; с другой стороны, также несомненно, что влияние окружающей среды в значительной степени обуславливает всю нашу деятельность. Отсюда возникли два противоположных учения: одно – отрицающее свободу воли (детерминизм), другое – признающее ее (индетерминизм).

Мне кажется, что при решении вопроса о свободе воли мы всегда должны иметь в виду двоякое значение этой проблемы. С одной стороны, она является одним из основных философских вопросов, решение которого в ту или другую сторону должно неизбежно отразиться на всем нашем мирозерцании, а следовательно, и на всем развитии культуры и человечества. С другой

стороны, это вопрос более узкий, стоящий в границах эмпирической психологии и обнимающий ряд конкретных, вполне определенных случаев... С одной стороны, учение о том, что воля свободна, дает человеку уверенность в своих силах, заставляет его быть более самостоятельным, больше надеяться на самого себя в борьбе с обществом и теми шаблонами, которые ему предписываются извне. Признавая свободу воли, мы тем самым признаем права и обязанности человеческой индивидуальности, ее право на самоутверждение и ее обязанность быть нравственной... И в настоящее время мы видим, что представители этого учения, казалось бы совершенно опровергнутого материалистическими теориями XIX века, начинают высказываться с новой силой, а учение приобретает новых горячих сторонников.

Но, с другой стороны, и детерминизм имеет, безусловно, свои исторические и культурные заслуги точно так же, как и несомненные фактические данные, говорящие в его пользу. Итак, если мы хотим вопрос о свободе воли поставить во всей его полноте, со всеми философскими, моральными и социальными предпосылками, с которыми он связан, то окончательное решение его, такое решение, которое удовлетворило бы всех, мы в настоящее время дать не в состоянии. Я думаю, что если этот вопрос когда-либо будет окончательно решен, то не в смысле простого предпочтения одной какой-нибудь из названных теорий, а скорее в смысле их синтеза; само собой разумеется, что синтез этот должен будет явиться не простым, механическим компромиссом обеих противоположных точек зрения, а более глубоким, органическим их слиянием.

Лазурский А. Ф. 2001. С. 240, 243–244

Противники волюнтаризма утверждали, что свобода воли означает не что иное, как возможность принимать решения со знанием дела. Причем эта возможность относится и к подавлению побуждений, а не только к инициации действий. Недаром Л. С. Выготский [1983], ссылаясь на Блонделя, писал, что волевое, или произвольное, поведение есть поведение социальное по своему существу и что максимум воли есть максимум повиновения. Поэтому отсутствие свободы в принятии решений еще не говорит об отсутствии воли.

Наибольшая свобода человека состоит в том, что он свободно может выбирать, кому подчиняться.

В. Швёбель

В советской психологии и философии волюнтаризм стал нарицательным понятием, означающим господство произвола, ничем не ограниченного удовлетворения потребностей, желаний («чего моя левая нога захочет»).

Другим философским мировоззрением, имеющим корни в учении о свободе воли, стал **экзистенциализм** (философия существования), наиболее яркими представителями которого являются М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж. П. Сартр, А. Камю. Экзистенциализм рассматривает свободу как абсолютно свободную волю, не обусловленную никакими внешними социальными обстоятельствами. Человек не связан с обществом никакими нравственными обязательствами и ответственностью. Поэтому он своеволен и безответствен. Любая норма является для него подавлением его личности.

Однако необходимо отметить и положительную роль, которую сыграли представления о свободе воли, в частности – в отстаивании понимания воли как самостоятельной проблемы, как качественно своеобразного психического явления, не сводимого к ассоциации представлений и движений, которое нашло отражение в «автогенетических» теориях воли (В. Вундт [1912];

Н. Ах [Ach, 1905; 1910]; И. Линдворский [Lindworsky, 1923]). Кроме того, обсуждение темы «свободы воли» привлекло внимание и к проблеме «свободного выбора».

1.2. Воля как свободный выбор

Голландский философ Б. Спиноза понимал борьбу побуждений как борьбу идей. В связи с этим для него разум и воля были одним и тем же. Воля у Спинозы выступает как осознание внешней детерминации, которая субъективно воспринимается в качестве собственного добровольного решения, внутренней свободы.

Свобода выбора в философии традиционно рассматривалась как реальная сфера проявления свободы воли, как ее практическое выражение. Некоторые философы вообще сводили проблему свободы воли к проблеме свободного выбора действия. Однако английский мыслитель Дж. Локк пытался вычленить вопрос о свободном выборе из общей проблемы свободы воли. В волевых актах, по Локку, человек, как правило, не в состоянии быть свободным, он подчинен необходимости. Свобода же состоит «именно в том, что мы можем действовать или не действовать согласно нашему выбору или желанию» [1960, с. 259].

На заре нашего столетия Нарцисс Ах [1910], пользуясь интроспекцией, попытался выделить компоненты, специфичные для волевого акта. Представление о цели и переживание возможности ее достижения Н. Ах назвал «предметным моментом» волевого акта. Центральной составной частью переживания является так называемый «актуальный момент», когда усиливается первоначальное намерение («я действительно хочу этого!») и отвергаются другие альтернативы. Весь волевой акт сопровождается «моментом состояния», под которым понимается переживаемый уровень усилий, и «наглядным моментом» – ощущениями напряжения в разных частях тела (например, в области шеи). Эти четыре феномена особенно проявляются в ситуации конфликта намерений, например при наличии эмоционально более привлекательной альтернативы. Позднее Н. Ах сформулировал так называемый «закон трудности», согласно которому «...препятствие деятельности является мотивом повышения напряжения воли, концентрации внимания в том смысле, что с увеличением трудности увеличивается напряжение воли...» [Ах, 1910]. Таким образом, волевые процессы проявляются лишь опосредованно, в виде эмоционального переживания усилий, требуемых для достижения цели. Это переживание выражено тем более, чем сильнее «тенденция действия» и чем сильнее конфликт этой тенденции с конкурирующими тенденциями. Следует отметить, что Н. Ах понимал волю как особую силу, обладающую единственной функцией – усиления «детерминирующих тенденций», их превращения в «специфическую детерминацию» – намерение, и далее – в тенденцию действия – процесс реализации намерения. При этом «волевая деятельность» в его понимании участвует в детерминации поведения наряду с другими «психическими деятельностями», например такими, как ассоциация. Так, согласно Н. Аху, «деятельность ассоциации» побуждает испытуемого к воспроизведению заученных ранее бессмысленных слогов при наступлении определенных условий, например если дается инструкция на воспроизведение этих слогов.

Шапкин С. А. 1997. С. 3

Немецкий идеалист В. Виндельбанд [1904] утверждал, что свободный выбор является чисто внутренним процессом, содержащим в самом себе критерий своей целесообразности. Он различал три отграниченных друг от друга этапа выбора: 1) возникновение отдельных влечений, из которых каждое, если бы оно было единственным, непосредственно перешло бы в

действие; 2) взаимная задержка и уравнивание влечений, выбор между которыми приводит к решению; 3) волевой импульс, с помощью которого незадержанное или определенное выбором хотение переходит в соответствующее физическое действие.

Американский психолог У. Джемс [1991] считал главной функцией воли принятие решения о действии при наличии в сознании одновременно двух или более идей движения. Наличие конкурирующей идеи тормозит переход представления о движении в действие, поэтому для совершения действия надо осуществить выбор идеи и принять решение («Fiat!» (лат.) – «Да будет!»). Выбор совершается на основе интереса и заключается в направлении внимания на избранный объект, после чего начинается движение, так как импульс к движению сообщает та идея, которая в данную минуту овладела вниманием человека. Поэтому волевое усилие состоит в направлении человеком своего сознания на непривлекательный, но нужный объект и сосредоточении на нем всего внимания. Причисляя себя к волюнтаристам, У. Джемс считал волю самостоятельной силой души, обладающей способностью к принятию решений о действии.

Волю как выбор одного из нескольких побуждений или как разрешение конфликта мотивов рассматривали Г. И. Челпанов [1926], Ф. Лерш [Lersch, 1956], В. Е. Франкл [1990] и др.

Л. С. Выготский при обсуждении проблемы воли также связывал это понятие со свободой выбора: «Самым характерным для овладения собственным поведением является выбор, и недаром старая психология, изучая волевые процессы, видела в выборе самое существо волевого акта» [1983, с. 274].

В. М. Аллахвердов [1993] считает проблему свободы воли, свободы выбора «едва ли не самой страшной» в психологии и философии. Автор отмечает, что как ответ «да», так и ответ «нет» на вопрос о том, свободен ли человек в своем выборе, ведут нас в тупик, о чем свидетельствует практически вся история человекознания.

В. М. Аллахвердов подчеркивает, что, с одной стороны, извечно желание ответить «да», потому что, как убеждают нас гуманисты, именно свобода воли делает человека человеком. Отсюда вытекает положение о том, что человек должен нести нравственную ответственность за свои поступки и деяния. Но, с другой стороны, стоит ответить «да», как придется признать поведение человека недетерминированным и, тем самым, не подлежащим естественнонаучному объяснению. Такой ответ ведет к мистике и иррационализму.

Противники «свободы воли» заявляют, что нам только кажется, будто человек свободен в своем выборе. В действительности всем вершит необходимость. Вольтер писал: «Человек свободен, когда он может то, чего он хочет, но он не свободен хотеть: немислимо, чтобы он желал без причины» [1989, с. 518].

Но отрицание свободы выбора, продолжает В. М. Аллахвердов, порождает другие сложности. Отказ от свободы немедленно превращает человека в автомат, машину, пусть даже самую причудливую, как писал И. М. Сеченов. Не случайно сторонники детерминизма сравнивали механизмы поведения человека с функционированием технических устройств или с протеканием физических явлений («телеграфная теория» нервной системы Г. Гельмгольца, мозг как коммутаторная станция – у И. П. Павлова и К. Халла, ЭВМ – у Дж. Миллера, Е. Галантера и К. Прибрама, и т. д.).

Возникает вопрос: неужели действительно человек не более чем автомат? Б. Рассел цитировал по этому поводу строки одного поэта:

– Черт возьми! – сказал один молодой человек.
– Горько узнавать, что я представляю собой созданье,
Движущееся по заранее проложенным рельсам,
Что я, одним словом, не автобус, а трамвай. [1957, с. 351]

Таким образом, ни признание свободы воли, ни признание строгого детерминизма не решает проблему объяснения поведения и деятельности человека, – заключает В. М. Аллахвердов.

П. В. Симонов [1987] попытался переформулировать проблему свободы выбора. Признавая детерминизм, он пришел к выводу об иллюзорности свободы выбора и поставил вопрос: почему, если свободы выбора нет, нам все-таки *кажется*, что она есть? Объяснение этому факту он видел в том, что существуют какие-то детерминирующие внутренние процессы, которые влияют на сознание, но при этом не могут быть осознаны. Тогда осознаваемый результат этих процессов для человека кажется неожиданным, ниоткуда не проистекающим, а следовательно, недетерминированным. П. В. Симонов относил это явление к критическим моментам творческой деятельности, объясняя таким путем субъективно ощущаемую свободу творческого воображения. А как же быть со свободой выбора в деятельности, не связанной с творчеством, или в обычном поведении? Процессы в центральной нервной системе также не осознаются, но влияют на сознание. Следовательно, результат такого влияния должен отражаться в сознании как акт свободного выбора. Однако в действительности этого не происходит.

Приближающейся к истине в понимании свободы воли и свободы выбора, как мне представляется, является позиция В. Франкла [1990], который отмечает, что на человека могут воздействовать какие-то физические причины, но «человечность человеческого поведения» определяется не этими причинами, а *субъективными основаниями*. Именно субъективные основания обуславливают выбор человека. Но свобода выбора – это не произвол, это не «свобода от», а «свобода для». Свобода – это один аспект человеческого бытия, другой аспект которого – детерминизм. Поэтому В. Франкл вывел следующую формулу: «свобода, несмотря на детерминизм».

В. Франкл пишет, что человек не свободен от внешних и внутренних условий, но он свободен занять позицию по отношению к ним. Условия не определяют поведение человека полностью; именно от человека зависит, сдастся ли он, уступит ли он условиям.

Полемизируя с З. Фрейдом, который однажды заметил, что с ростом чувства голода все индивидуальные различия в поведении людей стираются и возникает однообразное проявление неукротимого побуждения к добыванию пищи, В. Франкл приводил примеры поведения людей в фашистских концентрационных лагерях, где люди, с ростом чувства голода, стали сильнее различаться в своем поведении, хотя голод был для всех одинаковым. Отсюда Франкл сделал вывод, что «в конечном итоге человек неподвластен условиям, с которыми он сталкивается; скорее эти условия подвластны его решению. Сознательно или бессознательно, он решает, будет ли он противостоять или сдастся, позволит ли он себе быть определяемым этими условиями. Конечно, можно возразить, что такие решения сами детерминированы. Но очевидно, что это приводит к *regressus in infinitum*. Утверждение Магды Б. Арнольд резюмирует это положение дел и может служить итогом нашего обсуждения: “Каждый выбор имеет причину, но он имеет причину в выбирающем”» [1990, с. 78].

Как свободная воля, так и детерминизм – это понятия, не имеющие общепринятых определений, но основными теоретическими позициями являются жесткий детерминизм, мягкий детерминизм и либертарианизм [Sappington, 1990]. Жесткий детерминизм подразумевает, что человеческое поведение полностью определяется факторами, находящимися вне сферы сознания человека, и говорить о выборе бессмысленно. Это точка зрения классического психоанализа и радикального бихевиоризма. В данном случае детерминизм отождествляется с предсказуемостью, и предполагается, что, зная настоящее, можно прогнозировать будущие последствия. Но ни в психологии, ни даже в естественных науках не обнаружено данных, свидетельствующих о возможности универсального детерминизма.

Предположение, что любое поведение обусловлено только внешними причинами, порождает еще одну трудность – становится невозможным обдуманное намерение. Ученые, стоящие на позициях детерминизма, не могут считать свою собственную научную деятельность исключением, не подчиняющимся принципам детерминизма. Таким образом, ни проводимые ими эксперименты, ни сделанные из них выводы не могут быть объектом сознательного выбора. Некоторые, однако, утверждают, что рациональность не противоречит детерминизму, потому что сами варианты, из которых может выбирать человек, не подлежат выбору (Norrie, 1986).

Последний аргумент согласуется с точкой зрения, которую называют мягким детерминизмом, – она допускает совместимость свободы с детерминизмом. Таким образом, люди могут выбирать, но из ограниченного количества вариантов. Хотя детерминизм связан с позитивизмом, многие позитивисты приняли эту точку зрения, которая теперь не вызывает полемики в психологии. Гарланд [Garland, 1985] отмечает, что некоторые криминологи-позитивисты раннего периода считали свободную волю иллюзией, которая тем не менее является движущей силой человеческих действий, а в дальнейшем эту точку зрения стали разделять и некоторые психологи. Она позволяет сохранить принцип ответственности, в результате чего позитивизм становится приемлемым для английских неоклассицистов.

Либертарианские взгляды являются дальнейшим развитием мягкого детерминизма: хотя поведение не считается абсолютно свободным, полная предсказуемость человеческого выбора не допускается. Свободный выбор поведения не означает «беспричинный», поскольку в последнем случае выбор должен быть случайным, и сторонники свободы выбора обычно предполагают существование причины особого рода, которая позволяет человеку выбрать другой образ действий, отличающийся от имевшего место на самом деле. Эта особая причина состоит в способности самостоятельно действующего человека к целенаправленному, преднамеренному выбору...

Бандура [Bandura, 1986] рассматривает свободу как «влияние на самого себя», которое оказывает детерминирующее воздействие на поведение и от которого зависит личная возможность предоставить самому себе много вариантов для выбора. Эта возможность осуществляется благодаря тому, что мысль обладает причинной силой. Таким образом, люди принимают участие в создании ситуаций, в которых они оказываются.

Саппингтон [Sappington, 1990] считает последние либертарианские психологические теории попытками создать научную основу для концепции свободы воли. Поскольку люди обладают способностью создавать новые варианты и выбирать из них цели, которыми они руководствуются в своем поведении, то знание этих вариантов облегчает задачу научного прогнозирования. В рамках либертарианизма остаются нерешенными две существенные проблемы – всегда ли человеческий выбор полностью самостоятелен и допускает ли научную проверку традиционных критерий «мог поступить иначе».

Блэкборн Р. 2004. С. 38–39

В. М. Аллахвердов полагает, что ощущение свободы выбора возникает тогда, когда имеются субъективные основания, не зависящие от породивших их причин. А это происходит в том случае, когда одни причины вызывают к действию совсем другие побудительные причины, проявляющиеся в дальнейшем совершенно самостоятельно и независимо от исходных.

Мне представляется, что именно такая ситуация имеет место в процессе мотивации, когда некая исходная причина приводит к формированию потребности, та, в свою очередь, становится причиной поиска подходящего объекта и способа удовлетворения потребности, затем, в процессе этого поиска, начинают учитываться многие обстоятельства, становящиеся причиной выбора одного варианта и отклонения другого (других). И, таким образом, конечный этап мотивационного процесса – выбор объекта и способа удовлетворения потребности – оказывается далеко отстоящим от первичной причины и является как бы независимым от нее (что дает ощущение «свободы выбора»), но в то же время детерминированным, хотя уже совсем другими причинами.

Основание выбора, принятия решения, о котором говорил В. Франкл, – это не что иное, как мотив. Не случайно поэтому проблема свободы выбора неизбежно приводит к одной из узловых проблем мотивации и воли – к проблеме конфликтов побуждений и их, этих конфликтов, разрешения, поскольку именно при внутренних конфликтах свобода выбора выступает наиболее рельефно. Для того чтобы разрешить такие конфликты, принять сторону одной из конфликтующих тенденций, человеку нужны основания, т. е. причина, достаточный повод, оправдывающий принимаемое решение.

Таким образом, проблема свободного выбора – это и проблема мотивации поведения. В этом аспекте проблема воли смыкается с проблемой мотивации, и развести их здесь, как пытаются сделать Х. Хекхаузен и Ю. Куль [Heckhausen, Kuhl, 1985], у которых выбор определяется на основании мотивов (читай – причин, доводов), а само осуществление выбора – это волевой процесс, вряд ли возможно. По крайней мере – во всех случаях выбор может осуществляться и без «миллиона терзаний», т. е. без заметных волевых усилий.

Х. Хекхаузен... ввел понятие мотивационного и волевого состояний сознания, окончательно разделив тем самым проблематику мотивации и воли, которые со времен К. Левина [Lewin, 1935] рассматривались как тождественные. Несмотря на органическое единство мотивационных и волевых процессов, каждый из них выполняет специфическую функцию. Процессы мотивации опосредуют связи потребности и мотива, ожидания и ценности, подготавливая переход мотива из латентного в активное состояние – намерение. Мотивационная фаза завершается принятием решения – своеобразной границей, отделяющей мотивационную фазу от волевой. Сущность последней заключается в реализации намерения путем инициирования тенденции действия. Эта модель получила название «Модель Рубикона» [Heckhausen, 1989]. Такое разделение мотивации и воли дало возможность отчасти преодолеть теоретические и методические трудности, связанные с поиском путей интеграции содержательного и динамического аспектов поведения. На основе анализа обширной литературы Х. Хекхаузен выделил три основные проблемные области, исследование которых, на его взгляд, поможет объяснить связь намерения и действия. Этими проблемами являются: 1) инициирование действия, 2) устойчивость действия, 3) преодоление препятствий в ходе выполнения действия. Тем самым была обоснована возможность разделения волевого процесса на отдельные функции, что дало импульс целому ряду экспериментальных исследований [Gollwitzer, 1994; Kuhl, 1994].

Шапкин С. А. 1997. С. 14

Значение завершающего волевого усилия в «борьбе мотивов» признается не всеми психологами. Имеются попытки объяснить «борьбу мотивов» без привлечения волевого усилия.

Вот как в «Психологическом словаре» описывается исход борьбы различных мотивационных тенденций при собственно волевом поведении:

«Специфичным для него является наличие внутреннего интеллектуального плана, организующего все имеющиеся у человека в данный момент побуждения в направлении такой их иерархизации, при которой ведущим мотивом становится сознательно поставленная цель. Волевой акт включает в себя борьбу разнонаправленных мотивационных тенденций. Если в этой борьбе берут верх непосредственные побуждения (в том числе и нравственного порядка), деятельность осуществляется помимо ее волевой регуляции. В отличие от этого, волевое поведение предполагает наличие таких психических процессов, посредством которых человек усиливает мотивационные тенденции, идущие от сознательно поставленной цели, и подавляет противоположные. Решающая роль в этом процессе принадлежит мысленному построению будущей ситуации. В этом случае человек отчетливо представляет себе положительные последствия тех действий, которые он совершит, следуя сознательно поставленной цели, и отрицательные последствия действий, продиктованных непосредственным желанием. Если в результате такого предвидения будущих последствий возникнут положительные эмоции, связанные с достижением сознательно поставленной цели, и они окажутся сильнее имеющихся у человека переживаний, порождаемых непосредственным побуждением, то эти положительные эмоции и выступят в качестве дополнительной мотивации, обеспечивающей перевес побуждения со стороны сознательно поставленной цели. Таким образом, активность во внутреннем плане выступает как условие, порождающее новые мотивационные тенденции. Именно во внутреннем плане настоящая ситуация, отражаясь в свете будущей, обретает иной смысл, что и определяет завершение борьбы мотивов и принятие решения в пользу волевого поступка, а в тех случаях, когда человек намечает и способы достижения поставленной цели, – и создание намерения» [1983, с. 54].

Таким образом, волевое усилие заменено здесь интеллектуальным расчетом и борьбой эмоциональных переживаний – какое сильнее или приятнее. Непонятно только, на каком основании в этой статье обсуждаются *волевые* действия, если волевое усилие для разрешения конфликта побуждений не нужно?

В. И. Селиванов [1975] считал, что в случае конфликта побуждений *одинаковой силы* исход борьбы определяется волевым импульсом (который имеет все признаки внутреннего сознательного стимула), рефлекторно усиливающим один из альтернативных мотивов.

Участие механизмов воли в разрешении противоречий в процессе мотивации В. К. Калинин [1989б] предложил называть *волением*. Этот процесс, пишет он, переживается субъектом как подконтрольность и подвластность ему осознаваемых влечений.

1.3. Воля как произвольная мотивация

Понятие о воле как о детерминанте поведения человека зародилось в Древней Греции и впервые было явно сформулировано Аристотелем (384–324 гг. до н. э.). Он ввел это понятие как объяснительное, чтобы отличать поступки, совершаемые на основании разумного решения субъекта (потому что так надо), от поступков, вызванных его желаниями. При этом философ понимал, что не сами по себе знания являются причиной разумного поведения, а некая сила, вызывающая действие согласно разуму. Эта сила рождается, по Аристотелю, в разумной части души, благодаря соединению разумного решения со стремлением (желанием), придающим решению побудительную силу. Само же стремление (желание) обусловлено побудительной силой предмета стремления. Таким образом, воля у Аристотеля сводится к управлению посредством разума побудительной силой желания (предмета стремления) человека: либо путем придания исходному желанию дополнительного побуждения (стремления) к предмету, либо посредством торможения побуждения, когда разум подсказывает, что нужно избежать стремления к тому или иному объекту.

Действия и поступки, осуществляемые по решению самого человека, Аристотель называл произвольными. Существенным для аристотелевского понимания роли волевого начала в детерминации поведения является то обстоятельство, что воля не только иницирует, но и выбирает произвольные действия, а также регулирует их осуществление. Кроме того, философ приписывал действию волевого начала способность человека владеть собой. В то же время любое волевое движение имеет, по Аристотелю, природные основания.

Древнеримский мыслитель и врач Гален (130–200 гг. до н. э.) говорил о *произвольных и непроизвольных движениях*, относя к последним только мышечные сокращения внутренних органов (сердца, желудка). Все остальные движения он считал произвольными. От непроизвольных (автоматических) движений они отличаются тем, что всегда происходят при участии психической пневмы, включающей в себя восприятие, память и разум и выполняющей управляющую функцию по отношению к органам движения.

Р. Декарт понимал волю как способность души формировать желание и определять побуждение к любому человеческому действию, которое нельзя объяснить на основании рефлекса. Декарт считал, что задача воли – бороться со страстями, которые возникают под влиянием вещей (в то время как желания порождаются непосредственно душой). Воля может затормозить движения, обусловленные страстью. Разум, по Декарту, это собственное орудие воли. Воля помогает человеку следовать определенным правилам, исходя из суждений разума о добре и зле. Таким образом, Декарт *связывает волю с нравственностью человека.*

Английский философ Т. Гоббс, живший в одно время с Р. Декартом, при объяснении поведения человека также исходил из представлений о непроизвольной и произвольной регуляции. В тех случаях, когда возникают попеременно то чувство стремления к чему-либо, то чувство отвращения, необходимо осуществить однозначный выбор того или иного действия. Последнее желание, возникающее в акте обдумывания и размышления, которое примыкает непосредственно к действию, было названо Т. Гоббсом волей. Воля детерминирована мотивами и побуждениями, которые, в свою очередь, сами определяются потребностями, а также знаниями о вещах и о возможных способах, с помощью которых удовлетворяются эти потребности.

Таких же взглядов на проблему воли придерживался и Д. Гартли, полагавший, что воля есть не что иное, как желание или отвращение, достаточно сильное, чтобы вызвать действие, не являющееся изначально или вторично автоматическим. Отождествление воли с господствующим в сознании желанием явно проглядывает и во взглядах других ученых прошлого (Д. Пристли [1968]; А. Коллинз [1967]; Г. Спенсер [1897]; В. Виндельбандт [1904] и др.). Правда,

в представлениях каждого из них имеются и свои особенности. Д. Пристли, например, говорил о желании действовать, поскольку действие не всегда возникает при виде желаемого предмета. Ценным в его взглядах является и то положение, что *стремления человека определяются мотивами*, поэтому у воли всегда есть причина.

В. Вундт [1912] полагал, что психическая причинность получает высшее выражение в волевом акте.

С мотивационных позиций рассматривал волю и Э. Мейман [1917]. Основным признаком волевого действия он считал предвещающее его принятие решения о совершении действия, когда действию предшествует полноценный психический акт, выработка представления о цели, получение согласия на эту цель. Достижение такого согласия на какое-то конкретное действие начинается с подбора и рассмотрения целей, с анализа их ценности, анализа последствий действия. Не случайно истинной причиной всех волевых поступков Э. Мейман считал размышление, поскольку именно посредством него достигается понимание ценности и значения цели.

К. Левин [Lewin, 1926, 1935], слегка изменив экспериментальный план Н. Аха, доказал, что заученные формы поведения (стимульно-реактивные связи, навыки и т. п.) сами по себе не способны детерминировать активность субъекта; для этого необходимо действие мотивационного фактора. Тем самым была постулирована главенствующая и координирующая роль мотивационных и волевых процессов по отношению к другим психическим процессам. Согласно К. Левину, поведение личности управляется большим количеством «напряженных систем», которые представляют собой цели, идущие от самого субъекта либо заданные извне. Цели являются не только когнитивной репрезентацией будущего состояния (когнитивный аспект), но одновременно динамическим выражением каких-либо потребностей личности (мотивационный аспект), хотя полностью к этим потребностям не сводятся; поэтому они получили название квазипотребностей. Объекты или события, которые могут служить для разрядки напряженных систем – квазипотребностей, – имеют особые побудительные черты, буквально – характер требования («Aufforderungscharacter») от субъекта того или иного типа поведения. Так, если нам необходимо позвонить, телефон-автомат как бы «сам бросается в глаза», требуя от нас определенных действий (достать монету, вспомнить номер и т. д.). Волевые действия, по Левину, отличаются от действий, управляемых квазипотребностями: волевое действие пытается контролировать возникающую тенденцию действия – например, обеспечивает человеку возможность сохранять спокойствие, даже если его оскорбляют. Если возникает несколько напряженных систем, то волевое действие обеспечивает через процесс принятия решения предпочтение одной из них; если это не удастся в полной мере, возникают ошибочные действия или торможение актуального действия. Обращает на себя внимание тот факт, что воля продолжает оставаться «служанкой» мотивов (истинных потребностей – по Левину) и конфликт намерений, который по своей природе является волевым, разрешается через принятие решения, т. е. в сфере мотивации.

Заменив понятие «детерминирующая тенденция» Н. Аха понятием «квазипотребность», К. Левин фактически отождествил проблематику воли и мотивации: исследователей того времени больше интересовал процесс возникновения квазипотребностей (намерений) и факторы ситуации, влияющие на их реализацию. Согласно К. Левину, квазипотребность автоматически воплощается в действие, как только для этого наступают

благоприятные внешние условия. Отсюда понятно, что постулирование и изучение неких дополнительных психических процессов, контролирующих реализацию намерения (процессов, которые мы сейчас обозначаем как волевые), было попросту излишним. Наряду с анализом процесса целенаправленного поведения у К. Левина встречаются интересные описания «различной степени зависимости от квазипотребностей» испытуемых в одной и той же экспериментальной ситуации [Lewin, 1926]. У «действенных» типов намеренное действие протекает как бы само по себе, без сознательного контроля со стороны субъекта; испытуемые указывают в самоотчетах, что они действовали непроизвольно, «почти как во сне». Испытуемые, отнесенные к «мыслительному» типу, напротив, сообщали о тормозящих действие ментальных содержаниях, связанных большей частью с разнообразными неприятными ощущениями во время эксперимента.¹ Дифференциально-психологический аспект изучения волевых процессов не получил, однако, какого-либо развития в школе К. Левина, который уделял главное внимание разработке знаменитой «теории поля» [Lewin, 1935].

Детальная проработка личностных и ситуационных детерминант поведения в теории поля – с одной стороны, и недооценка К. Левиным роли собственно волевых процессов – с другой, имело следствием то, что, начиная с 40-х гг. нашего столетия понятие «воля», да и сами исследования волевых процессов постепенно «выходят из моды» и заменяются когнитивно ориентированными исследованиями мотивации, в основе которых лежат модели «Ожидание × Ценность» [см. обзор Хекхаузена, 1986]. Однако после настоящего бума исследований мотивации, и прежде всего – мотивации достижения, в западноевропейской психологии под влиянием ряда экспериментальных данных начинает формироваться критическое осмысление постулата о том, что мотивационные процессы, основанные на оценке ожидания успеха и привлекательности цели, прямо определяют поведение. Исследователи пытались уточнить модели «Ожидание × Ценность», вводя новые личностные и ситуационные переменные, опосредующие связь между мотивом и поведенческими проявлениями (стратегиями решения задач, общей эффективностью деятельности, эмоциональным фоном деятельности и др.).

Шапкин С. А. 1997. С. 14

Левин (Lewin, 1926) оспаривал тезис Аха о возможности усиления тенденции действия через последующий волевой акт (или акт намерения). Он рассматривал тенденции действия как «квазипотребности», которые управляются «подлинными» потребностями, поэтому их сила всегда соразмерна силе соответствующих подлинных потребностей. Тем самым Левин превратил проблему воли в проблему мотивации, он свел актуальную тенденцию действия к результирующей мотивационной тенденции. При этом исчезла и волевая актуализация действия в ответ на возникающие препятствия, которые должны преодолеваются при реализации интенции.

Хекхаузен Х. 2003. С. 312

¹ Эти различия были одной из отправных точек для теории Ю. Куля, а также его конструктов «Ориентация на действие» и «Ориентация на состояние», которые подробно рассмотрены в главе 2.

Связывали волю с мотивацией и отечественные психологи. И здесь нельзя не упомянуть о представлениях И. М. Сеченова по разбираемому вопросу. Во-первых, ученый выделял моральный компонент воли, что можно рассматривать как постулирование им участия в волевых актах нравственного компонента мотива («воля – деятельная сторона разума и морального чувства, управляющая движением во имя того и другого, и часто наперекор даже чувству самосохранения», – писал он [1953, с. 177]). Во-вторых, И. М. Сеченов подчеркивал, что просто так человек не станет проявлять силу воли, для этого нужна веская причина, мотив. «Безличной, холодной воли мы не знаем», – утверждал ученый [там же, с. 181].

Г. И. Челпанов [1897, 1926] выделял в волевом акте три элемента: желание, стремление и усилие. Он связывал волевое действие с борьбой мотивов, наделяя волю функцией выбора (принятия решения о действии). К. Н. Корнилов [1948, 1957] подчеркивал, что в основе волевых действий всегда лежит мотив. О влечениях, желаниях и хотениях человека в связи с вопросом о воле и волевых актах рассуждал в своих работах и другой крупный отечественный психолог Н. Н. Ланге [1890]. В частности, он дал свое понимание отличия влечений от хотений, полагая, что последние – это влечения, переходящие в действия и сопровождаемые чувством активности этих действий. Для Н. Н. Ланге хотение – это деятельная воля.

Л. С. Выготский [1983] выделял в волевом действии два отдельных процесса: первый соответствует решению, замыканию новой мозговой связи, созданию особого функционального аппарата; второй – исполнительный – заключается в работе созданного аппарата, в действии по инструкции, в выполнении решения. Л. С. Выготский, как и Ж. Пиаже [1969], включал в структуру волевого акта операцию введения вспомогательного мотива для усиления побуждения к действию – необходимому, но слабо связанному с личным желанием человека. Л. С. Выготский утверждал, что свобода воли не есть свобода от мотивов. Свободный выбор человека из двух имеющихся возможностей определяется не извне, а изнутри, самим человеком. Выготский сформулировал положение о том, что изменение смысла действия меняет и побуждение к нему (идея, позднее развитая А. Н. Леонтьевым в понятии о «смыслообразующих мотивах» и В. А. Иванниковым во взгляде на волю как на «произвольную мотивацию»).

Понимание мотивационного процесса как волевого можно найти у С. Л. Рубинштейна [1946]. Вся первая часть его главы о воле – «Природа воли» – есть не что иное, как изложение различных аспектов учения о мотивации.

С. Л. Рубинштейн полагал, что «зачатки воли заключены уже в потребностях как в исходных побуждениях человека к действию» [там же, с. 588]. Но если признать правоту такого понимания воли (или, по определению С. Л. Рубинштейна, *волевого компонента* психического процесса, в данном случае – потребности) как динамического напряжения, побуждения, стремления, то и инстинкты нужно рассматривать как волевые действия: ведь в них тоже есть как чувственное переживание потребности, так и стремление к удовлетворению нужды. Однако тогда исчезает специфика воли как произвольного способа регуляции в отличие от непроизвольного. Недаром Ш. Н. Чхартишвили [1958б; 1967] отделял поведение, побуждаемое потребностями, от волевого поведения, называя первое импульсивным. Кроме того, потребностное побуждение у человека дает только толчок к разворачиванию первого компонента волевого акта, т. е. мотивации, но не приводит непосредственно к действию. Об этом писал и сам С. Л. Рубинштейн: «Будучи в своих первоначальных истоках связано с потребностями, волевое действие человека никогда, однако, не вытекает непосредственно из них. Волевое действие всегда опосредовано более или менее сложной работой сознания – осознанием побуждений к действию как мотивов и его результата как цели». И еще: «...В волевом действии сами побуждения не действуют непосредственно в виде слепого импульса, а опосредованно через осознанную цель» [1946, с. 589]. Так что положение С. Л. Рубинштейна о зачатках воли, заключенных уже в потребностях, можно понять, только приняв точку зрения, что воля – это произвольная

мотивация и что развертывание мотивации как начала произвольного акта начинается с возникновения потребностного побуждения.

Собственно, о таком понимании воли он пишет и в другой работе: «“Волю”, собственно, образует непосредственно лишь высший, верхний или верхушечный слой этих тенденций – желания, определяемые идейным содержанием, выступающим в качестве осознанной цели» [1957, с. 269].

Негативное отношение к воле... обернулось для автора (С. Л. Рубинштейна. – Е. И.) самым коварным образом. Искусственное деление единой регуляции поведения на побудительную и исполнительную не оставило места воле человека в самих действиях. Непонятно, почему в таком случае люди связывают испытание своей воли не с желаниями и стремлениями, а прежде всего с преодолением трудностей исполнения.

Селиванов В. И. 1992. С. 170

Связь мотивации и воли исследовалась и другими московскими психологами (К. М. Гуревич [1940]; Л. И. Божович [1969]; А. Н. Леонтьев [1981]; В. А. Иванников [1991]). Например, А. Н. Леонтьев изучал развитие произвольного поведения в связи с развитием и дифференциацией мотивационной сферы. Произвольное действие, по А. Н. Леонтьеву, характеризуется тем, что содержание мотива и цели в нем не совпадает. Многие ученые рассматривали и рассматривают механизм мотивации как волевой. Отмечая это, Б. В. Зейгарник с соавторами писала: «Проблема овладения своим поведением (на уровне овладения собственной мотивацией)... традиционно ставится в психологии как проблема воли. Волевое поведение рассматривается различными авторами как процесс производства новых мотивационных образований, способствующих развертыванию поведения в выбранном направлении» [Зейгарник, Холмогорова, Мазур, 1989, с. 122–123].

Несмотря на то, что связь мотивации с волей является общепризнанным фактом, это, однако, не означает, что такая связь понимается всеми учеными одним и тем же образом. Можно выделить по крайней мере три направления в рассмотрении этого вопроса.

Первое из этих направлений практически *отождествляет мотивацию и волю*, тем самым по существу отрицая последнюю (такой подход характерен для американской психологии; не случайно в западных психологических словарях отсутствует само понятие «воля»). При этом сторонники данного направления ссылаются на то, что если у человека есть сильное желание (мотив), то не требуется никакого психологического механизма, дополнительного по отношению к мотиву, который вызывал бы активность человека для достижения цели; само желание организует эту активность.

Современная буржуазная психология претендует на то, чтобы объяснить все сложнейшие явления психики человека, не обращаясь к понятию воли. Как пишут Д. Миллер, Ю. Галантер и К. Прибрам [1965, с. 24], «в наши дни категория воли исчезла из психологических теорий, слившись с более широкой теорией мотивации». Это «слияние» оказалось пагубным для развития позитивных исследований воли человека. Аналогичные тенденции имеют место и в советской психологии.

Некоторые наши психологи как огня боятся самого термина «воля», предпочитая такие неопределенные и широкие понятия, как «произвольные процессы» и «активность», хотя каждому из них хорошо известно, что активность и произвольность бывают разные: на уровне привычки или эмоционального порыва, когда от субъекта не требуется мобилизации намеренных усилий, и на уровне сознательно-волевой напряженности,

связанной с необходимостью намеренного преодоления встретившихся трудностей.

Селиванов В. И. 1992. С. 190

Однако еще Д. Локк считал, что неверно отождествлять волю и желания (потребности) человека. Связывая волю с механизмами порождения действий, философ, наряду с мотивацией, выделял особую способность, позволяющую осуществлять действия, и эту способность он называл волей. Воля, преодолевая неудовольствие, может выступать, по мнению Д. Локка, и против желания, формируя у человека хотение или *воление*.

Не сводил волю к мотиву и П. В. Симонов, который справедливо полагал, что невозможно считать волей доминирующую в данный момент потребность. Воля – это не просто господствующая потребность, – писал он, – а некоторый специальный механизм, дополнительный к одной из конкурирующих мотиваций [1982].

Сведение воли к мотиву, побуждающему к активности, неправомерно хотя бы потому, что встречающиеся на пути к достижению цели препятствия вызывают так называемую «реакцию преодоления», которая, как правило, является принадлежностью всякого волевого усилия. К тому же специфика волевого проявления не обусловлена тем или иным первичным побуждением, связанным с какой-либо потребностью. Более того, реализация одного из многих побуждений возможна лишь потому, что остальные побуждения часто подавляются усилием воли.

Второе направление *не отождествляет мотивацию и волю, хотя и не отрицает наличия тесной связи между ними*. Как полагал П. И. Иванов [1967], волевые (произвольные) действия, в отличие от непроизвольных, совершаются *по мотивам*. При этом среди сторонников данного направления нет полного единодушия. Для некоторых исследователей *воля является частью мотивации*, характеристикой и механизмом осуществления мотивации (Л. С. Выготский, Л. И. Божович). Так, например, Л. И. Божович сущность волевого поведения видела в способности подчинять его сознательно поставленным целям (заранее принятым намерениям) даже вопреки непосредственным побуждениям, когда человек преодолевает свои личные желания ради малопривлекательных для него в данный момент, но социально значимых целей (общественных ценностей). Волю Л. И. Божович рассматривала как высшую психическую функцию в мотивационной сфере, возникающую в результате развития человеческих потребностей, опосредованных интеллектом. Как и Л. С. Выготский, Божович понимала волю как разновидность произвольной мотивации.

В. А. Иванников [1985] задавался вопросом о том, что имеется общего в следующих понятиях, при помощи которых описывают и объясняют феномен воли или волевого поведения: действие без актуальной потребности; действие при конфликте мотивов; действие с учетом его последствий и моральных соображений; действие по общественной необходимости; произвольно выбранное действие, свободное от наличной ситуации; сдерживание своих желаний; преодоление препятствий и т. д. В. А. Иванников дал следующий ответ: все эти понятия включают в себя момент *изменения побуждений путем изменения смысла действия*. Он также полагал, что о воле начинают говорить тогда, когда обнаруживается недостаток побуждения к заданному действию (сходным образом Й. Бекман [Beckmann, 1987] и Ж. Пиаже [1969] рассматривали волю в качестве усилителя недостаточного по силе побуждения). По Иванникову, возникающие затруднения преодолеваются очень просто: для этого более слабый мотив нужно заменить (или присовокупить к нему) более сильным. Так, выступление на соревнованиях может оказаться для спортсмена более успешным, если он посвятит его любимому человеку. В этом случае старый мотив «занимает» энергию у нового, более значимого мотива.²

² Эта точка зрения не нашла поддержки у ряда психологов, которые считают, что воля не характеризуется недостатком побудительности мотивов [Ф. Е. Василюк, 1984] и что при преодолении трудностей нет необходимости занимать силу мотива [Ю. Б. Гиппенрейтер, 2005].

В результате получается, что, с одной стороны, В. А. Иванников придерживался понимания воли с мотивационных позиций, а с другой стороны, по-видимому, примыкал к сторонникам понимания воли как волевой регуляции, связанной с преодолением трудностей.

В другой работе он снова повторял, что в основе волевой регуляции побуждения к действию лежит произвольная форма мотивации. В частности, Иванников пишет, что «Воля есть... произвольная мотивация» [1986, с. 27].

Взгляды В. А. Иванникова подверглись справедливой критике со стороны В. К. Калина [1989а]. Последний отмечает, что сначала В. А. Иванников сузил проблему произвольной мотивации до вопроса о побудительности, а затем свел ее к сознательному изменению мотива, которое рассматривается только в аспекте побудительных причин. И воля, и произвольная мотивация у В. А. Иванникова являются сознательной формой побудительных причин действия – и только. Волевые качества, а следовательно и волевые усилия, он не включил в понятие воли, предлагая взамен выделять такие реальные моменты деятельности человека, которые «пока не имеют своего объяснения и требуют привлечения понятия, сходного с интуитивно выделяемым понятием воли» [1985, с. 49]. Таким образом, делает вывод В. К. Калин, основной недостаток представлений В. А. Иванникова о воле – то, что рассмотрение им воли лишь как разновидности произвольной мотивации не позволяет охватить всех волевых проявлений, в частности управления человеком своими психическими процессами при исполнении действий и осуществлении деятельности.

Е. О. Смирнова [1990] критикует концепцию В. А. Иванникова с других позиций. Она отмечает, что если понимать волю только как овладение своим побуждением, то о начале формирования воли в детском возрасте можно будет говорить только тогда, когда ребенок станет способным управлять своими мотивами и создавать новые личностные смыслы (т. е. переосмысливать основание своих действий и поступков). Однако известно, подчеркивает Е. О. Смирнова, что дети до 7–8 лет не в состоянии адекватно осознавать свои мотивы (и тем более самостоятельно изменять смысл своих действий). Еще Л. С. Выготский вслед за К. Левиним отмечал, что дети, в отличие от взрослых, не способны к образованию «любых» намерений и могут действовать только в направлении наиболее сильных непосредственных побуждений и что дошкольник делает только то, что он хочет. Да и сам В. А. Иванников показал, что у детей до 6 лет введение дополнительных мотивов не дает значимого увеличения волевого компонента действий. Отсюда должно следовать, что до этого возраста говорить о наличии воли у детей трудно.

В действительности же и жизненные наблюдения, и научные исследования показывают, что уже у 3-летних детей проявляется упорство, упрямство. Ряд авторов именно дошкольный возраст считает интенсивным периодом развития воли (В. К. Котырло [1971; 1974]; А. Н. Леонтьев [1981]; Н. И. Непомнящая [1965]; Д. Б. Эльконин [1965]).

Таким образом, многие данные говорят в пользу того, что сводить волю к произвольной мотивации нет оснований.

Для другой группы исследователей *мотивация является одной из сторон волевого поведения*, волевого побуждения (К. Н. Корнилов [1957]; Л. С. Выготский [1983]; В. Н. Мясищев [1930]; П. А. Рудик [1967]).

В соответствии с таким пониманием мотивация всегда произвольна и противопоставлять ее можно не непроизвольной *мотивации*, а непроизвольной (безусловно– и условно-рефлекторной) *детерминации* поведения. Отсюда вытекает, что детерминация и мотивация – это хотя и взаимно зависимые (в том смысле, что вторая – разновидность первой), но не тождественные понятия. Внешний или внутренний стимул (например, резкая боль) может вызвать у человека и непроизвольную реакцию, но произвольные действия возникают только вследствие наличия мотива.

Из понимания мотива как начала, отвечающего за произвольную активность человека, вытекает, по мнению сторонников данной точки зрения, одна из структурных особенностей этой активности: прогнозирование результата и последствий его достижения. Произвольная активность всегда имеет место на фоне более или менее отчетливых ожиданий предполагаемого результата деятельности или возможных ее последствий. Другое дело, что получаемый результат не всегда соответствует ожиданиям.

Наконец, третье направление вообще ставит под сомнение связь воли с мотивацией.

1.4. Воля как долженствование

Понимание воли как долженствование противопоставляется отождествлению воли с потребностным побуждением, т. е. с мотивом (поскольку для многих психологов потребность и есть мотив).

Спецификой этого подхода к пониманию воли, присущего грузинским психологам, является то, что волю они рассматривают как один из побудительных механизмов наряду с актуально переживаемой потребностью.

По мнению Д. Н. Узнадзе [1966], механизмы воли таковы, что источником деятельности или поведения служит не импульс актуальной потребности, а нечто совершенно иное, иногда даже противоречащее потребности. Побуждение к любому действию грузинский ученый связывал с наличием установки на действие (намерение). Эта установка, возникающая в момент принятия решения и лежащая в основе волевого поведения, создается благодаря присутствию в сознании воображаемой или мыслимой ситуации. За волевыми установками скрываются потребности человека, которые, хотя и не переживаются непосредственно в данный момент, но лежат в основе принятия решения о действии, причем в выработке такого решения участвуют также процессы воображения и мышления.

Ш. Н. Чхартишвили [1958a] разделял мнение Д. Н. Узнадзе о том, что волевое поведение не связано с удовлетворением актуально переживаемой потребности. Выступая против игнорирования воли и обусловленности поведения человека только потребностями, Ш. Н. Чхартишвили писал: «Если бы со стороны человека как субъекта поведения последнее побуждалось и направлялось одними лишь потребностями, как это полагает большинство психологов, то поступок, считающийся злодеянием и квалифицируемый как преступление, следовало бы объявить несчастным случаем и вообще снять вопрос об ответственности, ибо от самого человека совершенно не зависит, какая потребность возникает у него в данный момент и активизируется в наибольшей степени. Повседневное наблюдение говорит о том, что человек обладает способностью стать выше настоящего моментального состояния, сдерживать импульсы активизированных потребностей (даже если эти импульсы очень сильны), прислушаться к запросам общества и, сообразуясь с ними, наметить и осуществить такие цели, которые ни в коей мере не соответствуют его теперешним (находящимся в актуализированном состоянии) потребностям. Эту способность, в силу ее специфической природы, нельзя назвать потребностью. Даже человек, неискушенный в науке, говорит о слабоволии того лица, которое лишено способности к указанной выше активности» [1967, с. 72].

Более того, Чхартишвили не считал признаком воли и сознательный характер поведения. Он полагал, что осознание цели и средств ее достижения (которые являются, с моей точки зрения, неизменными компонентами мотива) – дело интеллекта, мышления. «По одной лишь причине, что цель поведения и связанные с нею явления осознаются, – писал Ш. Н. Чхартишвили, – поведение не приобретает никакого особенного свойства, для характеристики которого понадобилось бы вводить некое новое понятие, отличное от понятий сознания, интеллекта, мышления. Поведение осознанно, осмысленно, и поэтому его природу адекватно выражают термины “сознательное поведение” или “интеллектуальное поведение”. Таким образом, термин “воля” оказывается излишним» [там же, с. 73]. Воля призвана служить, с точки зрения этого автора, побудительным механизмом поведения, удовлетворяющего внешним общественным требованиям, которые приняты субъектом («я должен»). Вследствие этого Ш. Н. Чхартишвили не считал волю частью единого мотивационного процесса, а рассматривал ее как особое психическое образование или способность личности. Посредством воли, полагал этот автор, человек освобождается из плена актуальной потребности. Благодаря этому, писал Ш. Н. Чхартишвили, человек, будучи вначале существом, живущим лишь настоящим

моментом, поднимается до уровня социальной, общественной личности и становится субъектом волевого поведения.

Надо сказать, что в своих взглядах Ш. Н. Чхартишвили оказывается не совсем последовательным. Отделив волевое поведение от поведения, совершающегося по потребности (последнее он называл импульсивным, потому что оно вызывается *импульсом* потребности), автор все же вынужден был признать, что «человеку редко приходится осуществлять чисто волевое поведение. Гораздо чаще он претворяет в жизнь поведение, имеющее *двойственную природу*, т. е. одновременно реализуя как импульсивное, так и волевое поведение. С такой активностью мы имеем дело в тех случаях, когда единая деятельность возникает из двух различных по своей природе источников, мотивов и целей». И далее: «В поведении двойственной природы переживания “я хочу” и “я должен” не противостоят друг другу, и “я должен”, которое всегда акцентируется, переживается в то же время, как “я хочу”» [там же, с. 80].

Выступая за отделение воли от мотивации (потребностного побуждения), Чхартишвили в то же время писал, что «мотив волевого поведения всегда появляется в форме оценочного суждения» [там же, с. 79], утверждая тем самым, что без мотива волевого поведения не бывает. Да и его утверждение, будто «я хочу» вызывает неволевое (импульсивное) поведение, явно противоречит тому, что мы наблюдаем в жизни. Разве «я хочу стать чемпионом» не побуждает спортсмена прилагать максимум волевых усилий для достижения цели?

Поэтому можно сказать, что и поведение, обусловленное потребностью личности, является волевым в такой же степени, как и поведение, обусловленное долженствованием. Ошибка Ш. Н. Чхартишвили состоит в том, что волю он рассматривает только как механизм преодоления трудностей, а долженствование – как только нравственную позицию личности, противопоставляемую им биологическим потребностям, которые человек должен часто тормозить, чтобы проявить моральный компонент воли и свою общественную сущность. Но это слишком узкий подход к пониманию как долженствования – оно может и не быть связанным с нравственностью: я должен (мне необходимо) купить спички, – так и волевого (произвольного) поведения. Те же замечания в отношении узкого толкования воли можно отнести и к пониманию воли Б. Н. Смирновым [2004], которая рассматривается им как один из механизмов психической саморегуляции.³ По сути речь идет о преодолении трудностей с использованием принудительной функции психической саморегуляции.

³ Второй механизм – самопобуждающие воздействия: ободряющие, угрожающие, успокаивающие, которые затрагивают человека эмоционально, актуализируют стенические переживания задора, воодушевления, злости и пр.; побуждающие и принуждающие воздействия образуют комбинированный эмоционально-волевой характер усилий человека, направленных на преодоление трудностей, и толкуются им как самопринуждение в ситуации долженствования (необходимости).

1.5. Воля как особая форма психической регуляции

Хотя И. М. Сеченов считается «отцом» рефлекторной теории воли, с таким же успехом его можно назвать первым ученым, который ввел понимание воли как особой формы психической регуляции. Ведь его слова о том, что воля является деятельной стороной разума и морального чувства, есть не что иное, как отражение именно такого понимания.

Одним из первых исследователей, обративших внимание на волю как особую форму психической регуляции поведения, был и М. Я. Басов [1922]. Воля понималась им как психический механизм, посредством которого личность регулирует свои психические функции, прилаживая их друг к другу и перестраивая в соответствии с решаемой задачей. Власть личности над своими душевными состояниями «возможна только при наличии в составе ее душевного единства некоего *регулятивного фактора*. Таким фактором здоровая личность всегда и обладает в действительности. И имя его – воля» [там же, с. 14]. Однако эта регулятивная функция, по сути, свелась у М. Я. Басова к вниманию. Именно внимание, в соответствии с представлениями этого исследователя, регулирует восприятие, мышление, чувствование, движения – через смену содержания сознания, т. е. через переключение внимания. Воля лишена способности породить действия и мысли, она только регулирует их, – полагал М. Я. Басов.

Сеченов выбивает почву у сторонников абсолютной свободы воли, мастерски доказывая, что сама воля не является побудителем (мотивом) того или иного действия. Специфическая функция воли выражается в регуляции деятельности (пуск в ход движений и действий, их усиление и ослабление, ускорение и замедление, временная задержка и возобновление, остановка и пр.).

Селиванов В. И. 1992. С. 177

Произвольную регуляцию поведения и психических процессов считал главным содержанием понятия воли и Л. С. Выготский. Воля является, по Выготскому, одним из механизмов, позволяющих человеку управлять собственным поведением, психическими процессами, мотивацией. В своих развитых формах произвольная регуляция опосредована искусственными знаками и осуществляется путем объединения различных психических функций в единую функциональную систему, выполняющую регуляцию деятельности или какого-либо психического процесса.

В. И. Селиванов также выделял, наряду с побудительной, регулирующую функцию воли. Для него воля – это способность человека сознательно регулировать свое поведение. «... Воля есть регулирующая функция мозга, – писал он, – выраженная в способности человека сознательно управлять собой и своей деятельностью, руководствуясь определенными побуждениями и целями» [1976, с. 17].

Воля личности – это не что иное, как сложившаяся в процессе жизни определенная совокупность свойств, характеризующая достигнутый личностью уровень сознательной саморегуляции поведения.

Воля – это сторона всего сознания человека, она соотносится со всем сознанием, а не с каким-либо частным психическим процессом.

Воля – это основная целенаправленность человека, определяемая его жизненным идеалом, в соответствии с которым он организует всю свою деятельность.

Селиванов В. И. 1992. С. 132, 176, 177

Регулирующую роль воли отмечали также А. Ц. Пуни [1966], Б. Н. Смирнов [1983], П. А. Рудик [1962; 1967], Н. П. Рапохин [1981], М. Брихцин [1989] и др.

Р. Мэй [May, 1974] характеризовал волю как категорию, определяющую способность личности организовывать свое поведение таким образом, чтобы совершалось движение к заданной цели, в заданном направлении. В отличие от желания, воля подразумевает возможность выбора, несет в себе черты личностной зрелости и требует развитого самосознания.

В. К. Калинин считал, что исследования феномена воли в рамках анализа предметного действия не привели к успеху в раскрытии сущности воли. По его мнению, специфику понятия воли нельзя выделить и при анализе мотивации, равно как и при рассмотрении воли только как механизма преодоления препятствий. Специфику воли указанный исследователь видел в регуляции человеком собственных психических процессов (перестройке их организации для создания оптимального режима психической активности) и в перенесении цели волевых действий с объекта на состояние самого субъекта. Как и Л. С. Выготский, В. К. Калинин считал, что главная задача воли – обеспечить человеку овладение своим собственным поведением и психическими функциями. Это означает, что в воле отражаются *самосубъектные* отношения, т. е. активность человека, направленная не на внешний мир или на других людей, а на самого себя.

В. К. Калинин выдвинул идею понимания воли как проблемы самосубъектных отношений... Ее специфика находит свое выражение в преобразовании функциональной организации психики, выборе эффективного способа этого преобразования и создания у себя состояния оптимальной мобилизованности адекватно достижению поставленной цели. В качестве исходного он избрал понятие «волевая регуляция», функцией которой является «оптимизация процессов становления и удержания необходимой формы деятельности, т. е. вторичных по генезу формообразующих процессов», когда надо «преодолеть себя». В такие моменты, чаще всего критические, сознание субъекта на время «отрывается» от объекта (предмета деятельности) и переключается на самого себя «в целях ликвидации возникшего несоответствия между своим состоянием и требованиями, предъявляемыми к деятельности» [Калинин, 1989].

Оригинальность и, как мы считаем, сомнительность концепции В. К. Калинина состоит в том, что воля, по его мнению, не включает в себя регуляцию предметного содержания деятельности. Видимо, поэтому, иллюстрируя свои представления о воле, он односторонне трактует волевые проявления летчика в ситуации «слепого полета» ночью и в облаках, когда нарушается ориентация в пространстве, возникает иллюзия полета с сильным креном, перевернутого полета и т. д. Ссылаясь на статью летчика И. В. Кочаровского, В. К. Калинин отмечает направленность его волевого усилия всего лишь «на преодоление невольного стремления пилотировать по «непосредственному впечатлению» и подавление ложных ощущений, т. е. «на борьбу летчика с самим собой» [с. 48]. При этом он «не замечает» описания летчиком внешней картины своих волевых проявлений, каковой явилась «неистовая борьба с самолетом», когда летчик усилием воли заставляет себя действовать в соответствии с показаниями приборов. И в другой работе В. К. Калинин не обратил внимания на то, что при искажении целостной организации психического отражения действительности «Волевым усилием способствовало решению частной задачи: все внимание уделять пилотированию самолета» [Завалова Н. Д. с соавторами, 1986, с. 97].

Сказанное, по-видимому, достаточно убедительно свидетельствует о том, что волевые действия летчика по овладению собой и управлению самолетом являются проявлением как самосубъектных, так и субъект-объектных отношений. Такое понимание регуляторной функции психики,

включая ее высший уровень, находится в русле рассмотрения любой реальной деятельности как имеющей внешний и внутренний планы, неразрывно связанные между собой [Божович Л. И. с соавторами, 1976, с. 212].

Смирнов Б. Н. 2004. С. 65

В. К. Калинин дал следующее развернутое определение воли: «Волевая регуляция (процессуальный аспект воли) есть сознательное, опосредованное целями и мотивами предметной деятельности создание состояния оптимальной мобилизованности, оптимального режима активности и концентрирование этой активности в нужном направлении, т. е. выбор и реализация субъектом деятельности наилучшего способа (формы) преобразования исходной актуальной функциональной организации психики в необходимую, адекватную целям и условиям деятельности, позволяющую достичь наибольшей ее эффективности» [1989а, с. 52]. Это, говоря другими словами, процесс самоорганизации психики для достижения цели наиболее эффективным способом.

В связи с данным им определением волевой регуляции В. К. Калинин ставил вопрос об *индивидуальных стилях волевой регуляции*. Под этим он имел в виду устойчивые способы организации волевых действий, т. е. структуру волевой регуляции. Индивидуальный стиль волевой регуляции обеспечивает соотносительность функционирования психики с требованиями деятельности. К сожалению, автор не приводил конкретных примеров проявления разных стилей волевой регуляции, в связи с чем остается неясным, в чем состоит специфика этого нового понятия по сравнению со стилями деятельности, многократно описанными в литературе.

1.6. Воля как контроль за действием

Юлиус Кухль [Kuhl, 1983b, 1984, 1987] выделил собственно мотивационные и волевые аспекты мотивационного процесса и предложил рассматривать мотивацию селекции и мотивацию реализации. Выбор (селекция) одной из возможных альтернатив действия в рамках мотивационного процесса не означает реализации выбранного варианта действия. Для реализации часто *требуется дополнительный, волевой процесс* контроля за действием, *особенно когда имеются конкурирующие тенденции, препятствующие реализации выбранного действия*.

Ю. Кухль различает опосредующие процессы контроля за действием и процессы, обеспечивающие текущий контроль. С помощью последних обеспечивается управление действием шаг за шагом в процессе его развертывания.

Автор выделяет семь видов опосредующих процессов контроля, способствующих реализации действия:

1. *Избирательное внимание*, которое направлено на ту информацию, которая соответствует актуально действующему побуждению (интенции). Вся остальная информация заглушается.

2. *Контроль кодирования*. Поступающая информация кодируется. Особенно глубоко обрабатываются те аспекты информации, которые связаны с текущей интенцией.

3. *Контроль эмоций*. Существуют эмоции, способствующие реализации интенции, поэтому человек стремится вызвать их у себя. Другие эмоции препятствуют осуществлению действия, поэтому человек может направлять свой контроль на их недопущение.

4. *Мотивационный контроль*. Когда действующая интенция недостаточно сильна из-за наличия конкурирующих интенций или возникают неожиданные преграды, происходит возобновление мотивационного процесса: для этого человек актуализирует представления об ожидаемом результате и других позитивных стимулах деятельности. Тогда система контроля за действием как бы возвращается к исходной мотивационной системе. Это позволяет постепенно повысить изначальную привлекательность цели, пока она не достигает той силы, которая необходима для противостояния конкурирующим тенденциям.

5. *Контроль окружающей среды*. Это устранение всех соблазнов, мешающих достижению цели, например устранение сладостей из дома теми, кто хочет похудеть.

6. *Экономная переработка информации*. Имеется в виду, что формирование интенции может чрезмерно затягиваться из-за излишне тщательной (избыточной) переработки информации.

7. *Преодоление неудач*. Человек должен уметь не слишком долго концентрироваться на неудаче, а также отказываться от недостижимых целей.

Опосредующие процессы контроля за действием осознаваемы человеком и активно им реализуемы, однако не всегда. Эти процессы могут разворачиваться как автоматические стратегии, не затрагивающие сознание субъекта. И это имеет свои преимущества, так как способствует большей скорости и надежности действий и требует меньших усилий для переработки информации в оперативной памяти.

1.7. Воля как механизм преодоления внешних и внутренних препятствий и трудностей

В сознании большинства людей, не сведущих в психологии, слово «воля» выступает как синоним волевой регуляции, т. е. способности человека преодолевать возникающие затруднения. Так, Л. А. Кербель и О. П. Саутина [1982] опросили спортсменов с целью узнать, какое содержание они вкладывают в понятие «воля». В ответах прозвучало, что это: целеустремленность, сдержанность, мобилизация всех сил, умение побороть себя, найти в себе силы, когда они уже кончились, и т. п.

Однако и многие психологи понимают волю только как психологический механизм, способствующий преодолению препятствий. К. Н. Корнилов в связи с этим утверждал, что о воле человека судят прежде всего по тому, насколько он способен справляться с трудностями. Аналогичное понимание воли можно найти и в других публикациях. В. И. Селиванов видит специфику воли «в сознательном саморегулировании человеком своего поведения в затрудненных условиях, когда надо прилагать инициативно-сознательные усилия, чтобы не отступить от поставленной цели» [1992, с. 181]. По Б. Н. Смирнову [1984], воля в единстве с разумом и чувствами регулирует поведение и деятельность *в затрудненных условиях*; по П. А. Рудику [1967], воля – способность человека действовать в направлении сознательно поставленной цели, *преодолевая при этом внутренние препятствия*; в «Психологическом словаре» воля характеризуется как способность действовать в соответствии с целью, *подавляя непосредственные желания и стремления* [1983, с. 53]. В приведенных выше определениях *воля является синонимом волевой регуляции*, функция которой – преодоление трудностей и препятствий.

К этой же точке зрения можно отнести взгляды на волю П. В. Симонова [1987], рассматривающего волю как *потребность преодоления препятствий*. Он полагал, что филогенетической предпосылкой волевого поведения является «рефлекс свободы», описанный И. П. Павловым. «Рефлекс свободы» – это самостоятельная форма поведения, для которой препятствие служит адекватным *стимулом*. «Не будь его, – писал И. П. Павлов об этом «рефлексе», – всякое малейшее препятствие, которое встречало бы животное на своем пути, совершенно прерывало бы течение его жизни» [1951, с. 343].

В обоснование своей точки зрения П. В. Симонов ссылаясь также на исследование В. П. Протопопова, показавшего, что «реакция преодоления», возникающая при наличии преграды и дополнительная по отношению к потребности, первично инициировавшей поведение (пищевая, половая и т. д.), играет важную роль в формировании приспособительных действий. Столкнувшись с преградой на пути к пище, животное начинает использовать не те варианты поведения, которые ранее приводили к пищевому подкреплению, но те способы преодоления сходных препятствий, которые хранятся в его памяти. Именно характер преграды, а не первичный мотив (потребность) определяет состав действий, которые перебираются в процессе выбора варианта поведения, способного обеспечить достижение цели.

П. В. Симонов замечал далее, что у человека, по сравнению с животными, взаимоотношения между реакцией на препятствия и первичным мотивом усложняются. Активность, вызванная преградой, в определенных случаях может оттеснить первоначальное побуждение на второй план, и тогда наблюдается поведение, в котором преодоление становится самоцелью, а исходный мотив утрачивает свое значение и даже забывается. У человека могут быть не только внешние, но и внутренние препятствия, «внутренние помехи» в виде конкурирующей потребности. Тогда доминирование одного из альтернативных побуждений будет определяться не только их относительной силой, но и возникновением специфической активности для преодоления субдоминантного побуждения.

«Для исследования психофизиологии воли чрезвычайно существенна ее обязательная приуроченность к какой-либо из многочисленных человеческих потребностей. Вот почему мы не продвинемся ни на шаг в разработке проблемы воли без уточнения вопроса о потребностях и мотивах: их количестве, качестве, классификации, иерархии, их “факториальном весе” в структуре данной личности», – писал П. В. Симонов [1987, с. 227].

Из всего сказанного выше он сделал такое заключение: *воля есть потребность преодоления препятствий* (рефлекс свободы). Ярким подтверждением относительной самостоятельности этой потребности может служить спорт, считал исследователь. Если бы цель спортивного соревнования заключалась единственно в победе над соперником, спортсмены должны были бы предпочитать возможно более слабых конкурентов, писал автор. Однако хорошо известно, что победа над слабым соперником не приносит ни радости, ни удовлетворения (заметим, что здесь автор слишком упрощал мотивы спортивной деятельности). В то же время скольконибудь полная автономия воли, считал П. В. Симонов, лишает ее адаптивного значения, превращает в бессмысленное упрямство. Поэтому центральным вопросом психофизиологии воли, как полагал П. В. Симонов, остается вопрос о механизме, благодаря которому воля начинает «служить» именно этой, а не какой-либо иной потребности.

Решение поставленного вопроса исследователь видел в том, что препятствие человек воспринимает как ограничение своей свободы – и это порождает вторичную потребность преодоления. П. В. Симонов полагал, что сеченовское определение воли как «побуждения, пересиливающего все прочие», справедливо с той оговоркой, что здесь имеется в виду потребность, устойчиво доминирующая в структуре личности. Под доминирующей потребностью этот автор понимал потребность, сформированную прежде всего и главным образом условиями воспитания человека на протяжении всей его предшествующей жизни. При этом определенную роль при формировании такой потребности играют и врожденные задатки личности, в том числе присущая ей выраженность «рефлекса свободы». «Если удовлетворение этой доминирующей потребности протекает в условиях, когда она порождает и наиболее сильную эмоцию [читай: энергетику. – Е. И.], организация поведения не сопровождается вовлечением мозговых механизмов воли. Воля не нужна матери, бросающейся на помощь своему ребенку, как не нужна и человеку, целиком захваченному крайне интересным, а потому неотразимо привлекательным для него делом. Если же субдоминантные конкурирующие мотивы генерируют эмоции более сильные, чем эмоции, продиктованные доминирующим мотивом, включается механизм воли, обеспечивая сохранение стратегически важных целей» [там же, с. 223].

П. В. Симонов отмечал и недостатки волевой регуляции. «Способствуя удержанию первоначально намеченной цели, воля чрезмерно локализует поиск решения, препятствуя тем “отказам”, которые так необходимы для новых и неожиданных подходов к решению проблемы» [там же, с. 224]. Далее автор снова возвращался к этой мысли и подчеркивал, что «стабилизирующая поведенческая функция воли имеет свою “ахиллесову пятю”, которая становится особенно очевидной в случае необходимости творческого подхода к решению стоящих перед субъектом задач. Один из замечательных парадоксов высшей нервной (психической) деятельности человека состоит в том, что “рефлекс свободы”... делает субъекта паразитически несвободным в сфере творчества, навязывая ему упорные попытки продвижения в одном и том же ранее намеченном направлении. Вот почему в процессе эволюции сформировался специальный механизм, защищающий определенные этапы творческой деятельности от вмешательства воли – механизм сверхсознания, или надсознания...» П. В. Симонов отмечал: «...Порождая принципиально новые, непредсказуемые варианты решений и предлагая эти варианты воле для их реализации и проверки действительностью, механизм сверхсознания делает волю относительно свободной от ранее сложившихся стереотипов поведения. Впрочем, эта свобода сейчас же оборачивается несвободой от внешней социальной и общеприродной среды, которая санкционирует объективную правильность решений или обнаруживает их ложность. В этом – вели-

кая диалектика нежесткого, немеханистического детерминизма, которая подчас ускользает от критиков рефлেকторной теории» [там же, с. 226–227].

В этих рассуждениях П. В. Симонова многое остается неясным. Но, прежде чем говорить об этих неясностях, подчеркну еще раз, что автор, по сути, подходит к воле с позиции понимания ее как волевой регуляции, т. е. как силы воли. Именно в этом ракурсе надо воспринимать его примеры с матерью и увлеченным своим делом человеком, которым не нужна сила воли, но, разумеется, необходима воля как преднамеренное, сознательное управление своим поведением и деятельностью.

Итак, положение П. В. Симонова о том, что воля «служит» доминантной потребности, ничего не проясняет. Во-первых, почему воля должна обслуживать только доминантную потребность? Сила воли (самопринуждение) нужна именно при равенстве побуждений, чтобы одно из них сделать доминантным (о чем, кстати, говорит и сам автор в начале статьи). А когда одна из потребностей уже доминантная, то, по закону доминанты А. А. Ухтомского, она и является вектором поведения. Зачем же здесь сила воли? Во-вторых, не очень понятно, зачем бороться с субдоминантным мотивом и как он может обладать более сильной эмоцией? Вероятно, речь идет о ситуативно возникающей потребности, которая вступает в противоречие с доминантным мотивом. Не вполне ясен и механизм появления потребности преодоления. Он что, целиком рефлекторный? Но тогда при чем здесь воля?

С одной стороны, П. В. Симонов говорил о том, что воля обслуживает доминирующую потребность, с другой стороны, приводил примеры, показывающие, что воля нужна именно для преодоления (торможения) субдоминантных потребностей.

Рассуждая о стабилизирующей поведении функции воли, не подменял ли автор этот механизм ригидностью, инертностью установок, которые подсознательно влияют на поведение? Иначе трудно понять, как сила воли не только не помогает творческому поиску, но и мешает ему. Еще П. И. Чайковский писал, что в творчестве большое значение имеет вдохновение, но чтобы оно пришло в процессе работы, необходимо волевое усилие.

П. В. Симонов рассматривал не только внешние, но и внутренние препятствия, понимая под последними только конкурирующие потребности. Но даже и при таком понимании потребность в нравственном поведении может стать препятствием для удовлетворения первичной потребности. Вследствие этого потребность преодоления должна была бы проявляться и в отношении нравственных принципов человека, осилив которые, человек становится волевым, а если не сумеет «поступиться принципами», то, согласно П. В. Симонову, – безвольным. Очевидно, логики в этом нет.

Неудачна, по мнению В. И. Селиванова и В. К. Калина (и я с ними согласен), ссылка на В. П. Протопопова, исследование которого не имеет никакого отношения к проблеме воли, а посвящено лишь изучению быстроты формирования у животных навыков, с помощью которых можно преодолеть преграду, т. е. в этом случае рассматривалась проблема обучения. Поэтому В. П. Протопопов и говорил о преодолении препятствий животными с помощью имеющихся у них навыков, хранящихся в памяти, а вовсе не с помощью воли. Дело, следовательно, в опыте, а не в потребности преодоления. В терминах П. К. Анохина, в данном случае *цель* играет роль системообразующего фактора, приводящего к формированию программы ее достижения. Кроме того, в опытах В. П. Протопопова было выявлено, что если животное не смогло преодолеть препятствие, повторно активность не возникала, пока в ситуацию не вводилось какое-либо новое условие. Так что о потребности преодоления в этих опытах речь идти не может.

Кроме того, далеко не на каждое препятствие надо реагировать как Александр Матросов, т. е. бросаться грудью на амбразуру, стараясь во что бы то ни стало его побороть. Роль разума в преодолении препятствий не менее важна, чем значение силы воли. Недаром говорится: «Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет». Поэтому человек вовсе не должен реагировать на любое препятствие возникновением потребности преодоления. Бесспорно, что

есть люди, для которых преодоление любых препятствий является чем-то похожим на хобби. Но для того, чтобы вести себя подобным образом, надо обладать определенными чертами личности, о которых П. В. Симонов ничего не говорил: повышенным самолюбием, завышенным уровнем притязаний и т. п. Быть может, у таких людей и имеется потребность преодоления как черта личности, которая заставляет их проявлять силу воли ради самоутверждения по всякому поводу, где надо и где не надо (своеобразная переизбыточность силы воли). Но такое поведение имеет своей причиной скорее повышенную энергетику, нежели моральное чувство и разум, о которых писал И. М. Сеченов.

Понимание воли, предложенное П. В. Симоновым, вызвало резкую критику со стороны В. И. Селиванова [1986], который указывал на свойственный такому пониманию отрыв воли от личностного самосознания и от сознательной регуляции целенаправленного преодоления препятствий.

1.8. Слабости противоборствующих по вопросу о природе воли направлений

Итак, изучение воли в историческом аспекте можно разделить на несколько этапов.

Первый этап связан с пониманием воли как механизма осуществления действий, побуждаемых разумом человека помимо его желаний или даже вопреки им.

Второй этап связан с возникновением волюнтаризма как идеалистического течения в философии.

На третьем этапе волю стали связывать с проблемой выбора и борьбой мотивов.

Наконец, на четвертом этапе волю начали рассматривать как механизм преодоления препятствий и трудностей, встречающихся человеку на пути к достижению цели.

Это в итоге привело к возникновению двух главных противоборствующих течений в вопросе о природе воли.

Одно из них подменяет волю мотивами и мотивацией. В соответствии со взглядами представителей этого направления, сказать «против воли» – значит сказать «против желания». Желание (волеизъявление) бывает разной силы. Соответственно, в этом случае сила желания становится заменителем «силы воли». Происходит, таким образом, подмена представлений о психическом и физическом волевом напряжении представлениями о силе переживания потребности, желания. *Воля выступает здесь скорее как сознательный (мотивационный) способ регуляции поведения и деятельности человека.*

Другое течение связывает волю только с преодолением трудностей и препятствий, т. е., по существу, делает понятие «воля» синонимичным понятию «сила воли». Такое отождествление этих двух понятий в обыденном сознании, вероятно, происходит следующим образом. Считается, что человек, умеющий преодолевать трудности, обладает сильной волей, и такой человек обычно называется волевым. Отсюда «волевой» – это тот, кто имеет волю. Незаметно «сила воли» превратилась просто в «волю», и теперь воля понимается только как инструмент преодоления трудностей, а волевое поведение рассматривается прежде всего как поведение, направленное на достижение цели, несмотря на имеющиеся трудности. Отсюда – возникают представления о субъектах волевых и неволевых, т. е. обладающих или не обладающих волей. *Воля здесь выступает как характеристика личности, характера.*

Но если волевая регуляция и волевое поведение связаны только с преодолением трудностей, то как назвать сознательную регуляцию и сознательное поведение, которые не обусловлены обязательными трудностями? Почему тогда эту регуляцию тоже называют волевой, произвольной?

Воля – способность человека действовать в направлении поставленной цели, преодолевая те или иные (внутренние или внешние) препятствия. Если разум формулирует цель, то воля инициирует действия к данной цели.

Волевой акт – это глубинный процесс борьбы разнонаправленных мотивов, тенденций в точках бифуркации (точки разветвления) на жизненном пути.

Ананьев В. А. 2006. С. 74

Неразбериха в понятиях, относящихся к определению воли, отчетливо видна у ряда авторов: с одной стороны, воля не сводится только к волевому усилию, а с другой стороны – она не совпадает и с произвольным действием.

Такая позиция, по существу, наблюдается у Е. О. Смирновой (1990). Например, она пишет, что действия ребенка по инструкции, по правилу, будучи произвольными, не являются волевыми, поскольку их мотивы задаются взрослым, а не исходят от самого ребенка. Или

что воля и произвольность могут не совпадать даже у взрослого человека: волевой человек, – замечает она, – т. е. обладающий устойчивой иерархией мотивов и вытекающими отсюда качествами настойчивости, решительности, целеустремленности, далеко не всегда способен к произвольной организации своего поведения (не владеет собой, не контролирует себя); напротив, человек с развитой произвольностью, – продолжает Е. О. Смирнова, – т. е. хорошо владеющий собой, организованный, сознательно управляющий собой, может не обладать устойчивой системой собственных мотивов и ценностей и, следовательно, является слабovolным.

Этот странный взгляд на произвольность и волю, в принципе, не нуждается в обстоятельном опровержении. Достаточно указать на то, что целеустремленность и настойчивость не могут проявляться несознательно. По существу автор этой точки зрения говорит о том, что воля проявляется по-разному, в разных волевых качествах, поэтому можно быть решительным, но невыдержанным, хорошо организованным, но ненастойчивым.

Путаница в использовании терминов «произвольный» и «волевой» видна и в наименовании так называемых вторичных видов внимания. Так, говорят о *послепроизвольном внимании*, имея в виду, что при возникновении интереса к деятельности (например, к чтению) уже не требуется того напряжения внимания, которое было необходимо вначале, пока деятельность не вызывала интереса. Но разве при этом сознательный, преднамеренный характер привлечения внимания к этой деятельности исчезает? Очевидно, лучше бы говорить о *послеволевом*, но все равно *произвольном* внимании.

Первое (мотивационное) направление в понимании вопроса о воле пренебрегает изучением волевых качеств (поскольку сила воли заменяется силой мотива, потребности), второе – практически исключает мотивацию из волевой активности человека (поскольку вся воля сведена к проявлению волевого усилия).

Сведение воли к волевой регуляции, отрыв волевой регуляции от мотивации даже терминологически не очень понятны. Ведь воля не потому называется волей, что проявляется в волевых качествах, а наоборот, волевые качества называются так потому, что они реализуют волю, произвольно, *сознательно* проявляются, т. е. по воле (по желанию и приказу) самого человека. Следовательно, семантически понятие «волевые качества» – производное от слова «воля», а не слово «воля» происходит от понятия «волевые качества».

Сведение воли как единого целостного психологического механизма только к волевой регуляции, т. е. к регуляции по преодолению препятствий, неправомерно и по существу. Например, А. Ц. Пуни [1973] писал о полифункциональности воли, имея в виду не просто выполнение волей различных задач на разных этапах произвольного действия, а, скорее, многообразные волевые качества, конкретные проявления которых соответствуют различным функциям, выполняемым волей в процессе саморегуляции человеком своего поведения, своих действий. Однако, как будет показано далее, у одного и того же человека различные волевые качества могут проявляться в разной мере: одни лучше, другие хуже. Следовательно, это означает, что воля, понимаемая как механизм преодоления препятствий и трудностей (т. е. как «сила воли»), неоднородна и проявляется по-разному в различных ситуациях. Поэтому единой для всех случаев воли (если ее понимать как «силу воли») нет, иначе в любой ситуации воля проявлялась бы данным человеком либо одинаково успешно, либо одинаково плохо.

Кроме того, еще И. М. Сеченов отмечал, что воля (как механизм преодоления препятствий) просто так, без идеи, без какого-то смысла проявляться не будет. Волевой регуляции и связанным с ней волевым качествам требуется руководство, для чего и служит основание действия, поступка, т. е. мотив. Наличие же мотива отражает сознательный и преднамеренный характер регуляции, называемой произвольной. Отсюда следует, что отрывать волевую регуляцию от произвольной нельзя.

Свою лепту в одностороннее понимание воли внес и Ю. Куль, о представлениях которого говорилось выше. Он свел волю к контролю за действием. Можно согласиться, что произволь-

ный контроль за действием является неременной частью волевого процесса (и то, что автор обратил внимание западных психологов на это, можно поставить ему в заслугу). Но почему воля – это только контроль за действием?

Ю. Куль является учеником Х. Хекхаузена, и поэтому странно читать следующий пассаж последнего: «Проблема текущего контроля за действием является особой проблемой наряду с мотивацией и волей» [2003, с. 317]. Тут уж невольно голова пойдет кругом. Значит, вопреки утверждениям Куля, сознательный контроль за действием – это не волевой процесс?

Понять, что такое воля, можно только в том случае, если удастся свести воедино крайние точки зрения, каждая из которых абсолютизирует одну из упомянутых сторон воли: мотивацию, принимаемую за волю, – в одном случае, или направленное на преодоление трудностей волевое усилие, к которому сводится воля, – в другом случае. *Изложенные выше подходы к пониманию сущности воли отражают различные ее стороны, обозначают различные ее функции и вовсе не противоречат друг другу.* В самом деле, воля, с одной стороны, связана с сознательной целеустремленностью человека, с преднамеренностью его поступков и действий, т. е. с мотивацией, с самоинициацией действий и самоуправлением при их осуществлении (отсюда и создающееся у действующего человека впечатление о свободе своих поступков и действий, кажущаяся их независимость от внешних условий, от влияния других людей). С другой стороны, наиболее яркое проявление воли наблюдается при преодолении трудностей – отсюда и возникает мнение, что воля нужна только для этих случаев. В действительности же волевое (или, другими словами, произвольное) управление включает и то и другое.

Поэтому понимание феномена воли возможно только на основе синтеза различных теорий, на основе учета *полифункциональности* воли как психологического механизма, позволяющего человеку сознательно управлять своим поведением.

Глава 2. Воля как произвольное управление поведением и деятельностью человека

2.1. Является ли воля реальным психологическим явлением?

Противоборство между психологами по проблеме воли наблюдается и по другой линии. Одни отстаивают точку зрения, что воля – это не только реальное, но и вполне самостоятельное психическое явление, другие – что в реальности никакой воли нет; что это понятие – лишь конструкт, термин, обозначающий довольно разнородные явления. Рассмотрим доводы тех и других.

Воля как реальное и самостоятельное психическое явление. Понимание воли как самостоятельного и реального психического явления, существующего наряду с разумом и эмоциями, встречается уже у древнегреческих философов. Платон сравнил жизнь человека с колесницей. В нее впряжены два бешеных коня: чувство и воля. Эти силы рвутся вперед, увлекают колесницу и могут ее опрокинуть. Однако управляет колесницей разум. Он крепко держит вожжи, сдерживая безумные порывы коней. Отсюда проистекает и выделение трех сфер личности и, соответственно, трех типов психических процессов: интеллектуальных, эмоциональных и волевых. В связи с этим В. И. Селиванов писал: «Если ум человека есть характеристика сознания по формам отражения объективной действительности, а чувства – характеристика того же сознания по формам отношения к действительности, то воля – это характеристика сознания по формам регулирования самой деятельности человека во внешнем мире» [1974, с. 91].

К этой триадической модели все так привыкли, что она воспринимается как аксиома, не требующая доказательств, а вслед за ней аксиоматическим стал и взгляд на волю как на самостоятельное психическое явление.

Как отмечал В. Э. Чудновский, «исследователь, исходя из трехчленной формулы (разум, чувства, воля), хотя и признает, что компоненты данной формулы в той или иной степени связаны между собой и с психическими свойствами личности, но эта связь в достаточной мере не прослеживается... В традиционной трактовке воля характеризуется как свойство, в большей или меньшей степени эмансипированное от личности в целом, как некий инструмент, при помощи которого личность реализует определенное поведение» [1981, с. 54].

А между тем И. М. Сеченов, который считается основателем материалистического понимания воли и произведения которого являются излюбленным источником цитат для тех, кто стоит на тех же позициях, понимал данную проблему совсем не так прямолинейно, как это зачастую представляют себе его последователи. Мысли И. М. Сеченова о воле редко цитируются полностью, и, что самое главное, их смысл остается не до конца понятным. В то же время позиция И. М. Сеченова по вопросу о воле отнюдь не однозначна, и его высказывания можно трактовать по-разному, *подкрепляя противоположные воззрения на волю* различными цитатами. Неудивительно, что на И. М. Сеченова опирались как В. Э. Чудновский, отстаивающий мотивационную теорию воли, так и А. Ц. Пуни, рассматривающий волю как самостоятельное психическое явление в одном ряду с интеллектом и чувствами. И действительно, с одной стороны, И. М. Сеченов утверждал: «Ни обыденная жизнь, ни история народов не представляют ни единого случая, где *одна* холодная, безличная *воля* могла бы совершить какой-нибудь нравственный подвиг. Рядом с ней всегда стоит, *определяя ее*, какой-нибудь нравственный мотив... Даже в самых сильных нравственных кризисах, когда, по учению обыденной психологии, воле

следовало бы выступить всего ярче, *она сама по себе* действовать не может, а *действует* лишь во имя разума или чувства». Получается, что И. М. Сеченов признавал наличие воли, которая взаимодействует с мотивом при управлении поведением. А с другой стороны, он же писал: «Не достаточно ли снабдить человека вместо суммы чувство + воля одним только нравственным чувством в усиленной степени?» Или: «Безличной, холодной воли мы не знаем; то же, что считается продуктом ее [воли. – *Е. И.*] совместной деятельности с разумом и чувством, *может быть прямо выводимо из последних* [курсив мой. – *Е. И.*]» [Сеченов, Павлов, Введенский, 1952, с. 286]. Таким образом, И. М. Сеченов без обиняков говорил о том, что воли как самостоятельного психологического феномена, существующего и управляющего поведением человека наряду с разумом и моральными чувствами, нет.

Усложняет понимание воззрений И. М. Сеченова на волю и следующее обстоятельство: в одном случае он рассматривал волю как *механизм поведения* и акцентировал внимание на том, что воля является личностным образованием, а не надличностным (как доказывали сторонники «свободной воли»), а в другом случае использовал понятие «воля» в узком смысле, как лишь *механизм управления движениями* (их запуском, остановкой, регуляцией параметров движений).

Да что говорить о И. М. Сеченове, работы которого были написаны тогда, когда психология и психофизиология только зарождались, если и в наше время даже сторонники мотивационной теории воли, по существу отрицающие ее самостоятельность как психического явления, рассуждают о воле так, как будто она все-таки является самостоятельной. Так, Х. Хекхаузен (2003) пишет, что Юлиус Куль первым указал на необходимость различения собственно мотивационных и волевых аспектов *мотивационного процесса*. Представляется, что больше запутать читателя в понимании, что же такое воля, невозможно. С одной стороны, воля – вид мотивации, участвующая в контроле за действием, с другой стороны, воля – это особая проблема наряду с мотивацией и контролем за действием

Нередко некорректное использование понятия «воля» провоцирует, вопреки намерению пишущих, понимание воли как какого-то обособленного психического образования, существующего наряду с разумом, мотивами, эмоциями и выступающего в качестве высшего и самостоятельного детерминатора и регулятора поведения, которая к тому же сама себя и обслуживает. Вот как, например, писал о воле С. Л. Рубинштейн: «Еще не окрепшая воля создает себе иногда в явлениях негативизма защитный барьер» [1946, с. 605]. Невольно, читая такое, как и высказывание Ф. Е. Василюка (см. врезку), начинаешь представлять себе волю как некое самостоятельное начало в составе личности, которое не только управляет человеком (а не сам человек управляет собой), но еще и само о себе заботится.

Одна из основных функций воли состоит в том, чтобы не дать разгорающейся в поле деятельности борьбе мотивов остановить или отклонить активность субъекта. И в этом смысле воля – это борьба с борьбой мотивов.

Разумеется, это не значит, что воля, взяв под свое покровительство определенную деятельность, перестает видеть все время меняющуюся психологическую ситуацию, без обсуждения отмечает все появляющиеся возможности и намерения и независимо ни от чего постоянно подстегивает осуществляющуюся деятельность, одним словом, что воля – это слепая сила. В воле, на наш взгляд, вообще меньше силы, чем обычно считается, а больше «хитрости»... Сила воли состоит в ее умении использовать в своих целях энергию и динамику мотивов.

Василюк Ф. Е. 1984. С. 140

С другой стороны, можно встретить высказывания, из которых вытекает, что воля сама кем-то регулируется. Например, С. Л. Рубинштейн писал: «Путем эмоционального воздей-

ствия доходят... до ребенка правила, которые, закрепляясь частично как привычки, *регулируют его волю* (курсив мой. – Е. И.)» [там же, с. 609]. В этой цитате я хочу обратить внимание на то, что правила регулируют не поведение ребенка, а его волю. Получается, что регуляция (воля) сама еще служит объектом какой-то регуляции.

Некорректность использования понятия «воля» проявляется и тогда, когда говорят о качествах воли, вместо того чтобы говорить о волевых качествах личности.

Вообще, читая работы, посвященные проблеме воли, видишь, как вольно иные психологи обращаются с этим понятием. Волю воспитывают, формируют, укрепляют и расслабляют, дезорганизуют, высвобождают от ограничений и навязывают другому. Воля бывает, по словам психологов, зрелой, сильной или слабой, собственной («поступать по собственной воле») и чужой («действовать не по своей воле»). И когда читатель встречается с таким разнообразием даже у одного и того же автора на нескольких соседних страницах, он либо действительно начинает верить, будто воля – это нечто такое, что можно подержать в руках или хотя бы увидеть; либо, если читатель обладает критическим складом ума, начинает сомневаться, существует ли вообще корректное употребление понятия «воля», и коли таковое существует, то можно ли разобраться, что именно оно обозначает.

Отрицание воли. Существующие различия в понимании воли, а главное – трудность объективного изучения этого явления (поскольку вне активности человека воля не проявляется и ее так же невозможно выделить в чистом виде из комплекса прочих психологических феноменов, как и внимание) привели к тому, что многие авторы сомневаются в реальном существовании воли. Исследователи полагают, будто за этим термином скрываются различные, и отнюдь не только «волевые», психологические феномены, которые по мере изучения будут все больше выпадать из «волевой обоймы».

В. А. Иванников заметил: «Обилие гипотез при отсутствии заметного прогресса в выделении психической реальности, соотносимой с термином “воля”, вряд ли является случайным. Дело скорее всего в том, что такой особой реальности просто не существует, а намеренное изменение побуждения к заданному действию достигается через совместную работу известных психических процессов или, точнее, в результате целостной работы мозга и психики» [1991, с. 122].

В. А. Иванников, считая понятие воли чисто описательным и в большей мере житейским, чем научным, с определенной дозой самобичевания пишет о том, что, находясь в плену старых догм, тоже пытался «открыть природу воли, и только позже пришло понимание того, что природу воли открыть нельзя, потому что мы сами [ученые. – Е. И.] ввели это понятие для объяснения особого поведения человека. Поэтому, – продолжает он, – мы должны вернуться к тем явлениям и реальностям поведения человека, которые заставили нас ввести понятие воли. То есть мы должны найти психологический механизм (механизмы), обеспечивающий волевою регуляцию действий, которые человек должен, но не хочет или *не может* [курсив мой. – Е. И.] осуществить в данный момент, а не пытаться догадаться – что есть воля» [1998, с. 5].

Считая волю понятием, лишенным реального содержания, В. А. Иванников утверждает, что «не только студенты, но и многие исследователи забыли, что некоторые понятия вводились в психологию не как обозначения каких-то психических реальностей, а как теоретические конструкты, призванные объяснить психические явления или поведение живых существ» [там же, с. 3–4]. Другими словами, воля, с его точки зрения, является теоретическим допущением и не более.

В подтверждение своей точки зрения В. А. Иванников приводит не слишком убедительные доводы. Тот факт, что имеются различные представления о механизмах волевой регуляции, вовсе не служит даже косвенным подтверждением отсутствия реального содержания в понятии воли, как утверждал упомянутый исследователь. Если пользоваться подобными аргу-

ментами, то с таким же успехом можно утверждать, что не существует и мотива, поскольку различных точек зрения по поводу этого явления имеется еще больше.

Не слишком убедительно и утверждение, согласно которому изменение побуждения (рассматриваемое В. А. Иванниковым как эквивалент волевого усилия) достигается в результате целостной работы мозга и психики. Никто и не собирается утверждать, что имеются какие-то отдельные центры воли. А вот механизм управления, отличный от произвольного, существует, чего не отрицал и сам В. А. Иванников. И отличие этого произвольного механизма от упомянутого произвольного состоит не в том, что в нем задействован целый комплекс разных психических процессов (таких как мышление, память, восприятие и т. д.), – все это имеет место и при произвольном поведении животных, – а в том, что эти процессы актуализируются не внешними, но внутренними сознательными стимулами, проистекающими из принятого самим человеком решения (даже если изначально поведение спровоцировано внешним раздражителем). Именно такой механизм и должен быть назван волевым (произвольным). То есть, во-первых, таким, который функционирует с участием сознательных решений и побуждений (мотивов), кажущихся часто *вольными*, независимыми от внешних обстоятельств, вытекающими из желаний самого человека. И во-вторых, этот механизм должен проявляться в сознательных (волевых) импульсах и усилиях.

Вообще, в позиции В. А. Иванникова трудно разобраться. Например, он то совершенно отрицает волю как психическую реальность и, по существу, отказывается от использования этого понятия, то отмечает, что «заслуга советских ученых перед мировой психологией состоит не только в простом сохранении проблемы воли. Совместными усилиями многих советских психологов были развиты и сформулированы важные положения, которые являются хорошей основой для дальнейшего развития исследований в этой области психологического знания» [там же, с. 70].

Утверждая, что воли как психического образования или самостоятельного психического явления нет, он в то же время пишет книги и статьи о произвольной регуляции, как бы не замечая, что произвольная регуляция означает не что иное, как «регуляция, *происходящая от воли*».⁴ Но как может что-то происходить из ничего, от того, чего нет? И если нет воли, то о каком волевом поведении, о котором В. А. Иванников пишет в своих работах, в том числе и в учебном пособии, может идти речь? Уж если быть таким решительным в отрицании воли, то все понятия, включающие слово «воля», этому автору следовало бы взять в кавычки или говорить о *так называемых* произвольном управлении, волевом поведении, волевых качествах.

⁴ Этот же «грех» присущ и пониманию воли В. И. Селивановым, когда он пишет, что волевая регуляция (воля) – не синоним всей произвольной регуляции, а только одна из ее форм, так как волевая регуляция, с его точки зрения, это только сознательная мобилизация личностью своих психических и физических возможностей для преодоления трудностей и препятствий. Другими формами произвольности он считает привычные действия и эмоциональный порыв.

2.2. Воля как синоним произвольности

И. М. Сеченов писал, что произвольный – значит сознательно-разумный [1953, с. 136]. Тем самым он выступает против обывательских представлений о том, что между мыслями и желаниями – с одной стороны, и поступками – с другой стороны, должна быть свободная сила, которая и называется волей. Человек волен поступать и согласно своим мыслям, и желаниям и наперекор им. Из этого высказывания следует, что для И. М. Сеченова воля и есть не что иное, как произвольность.

Чтобы не быть голословным, приведу функции воли, отмеченные И. М. Сеченовым: «Она может вызывать, прекращать, усиливать и ослаблять движение» [1952, с. 249]. Как видим, воля связывается не только и не столько с мобилизацией и преодолением препятствий, сколько с обычным сознательным (т. е. произвольным) управлением человеком своими действиями.

Наиболее характерны для человека **сознательные** движения, направленные на достижение поставленной цели. т. е. **произвольные** движения... Сочетание или целая система движений, связанных между собой общей целью и единым мотивом, называется **волевым действием** человека...

Мы называем направленные на достижение сознательно поставленной цели действия **волевыми**, потому что они являются выражением нашей воли, которая представляет собой сознательную целеустремленность человека на выполнение тех или иных действий.

Корнилов К. Н. 1948. С. 315–316

С моей точки зрения, «воля» – не столько объяснительное, сколько классификационное понятие, которое позволяет отделить произвольные (сознательные, разумные) действия от рефлекторных (непроизвольных) реакций. *Воля, как и многие другие психологические термины (восприятие, мышление, память) – это обобщенное понятие, обозначающее определенный класс психических явлений, процессов и действий, объединенных единой функциональной задачей – сознательным и преднамеренным управлением поведением и деятельностью человека.* Использование таких обобщающих понятий удобно, так как с их помощью мы сразу узнаем, о каком классе действий, процессов идет речь.

В подтверждение именно такой точки зрения можно привести тот факт, что Аристотель, который считается одним из первых мыслителей, подошедших к изучению воли с научных позиций, употребил этот термин как раз с целью обозначения *определенного класса* действий и поступков человека, а именно тех, которые детерминируются не потребностями, желаниями, а пониманием нужности, необходимости этих действий. Иначе говоря, речь идет о классе *сознательных* поступков и действий, или о стремлениях, опосредованных размышлением. Аристотель ввел понятие о произвольных движениях, чтобы отделить их от непроизвольных, которые осуществляются без размышления. К произвольным действиям он относил те, о которых «мы заранее совещались с собою» (чтобы не создавалось излишнего противопоставления «разумных» действий и тех, которые вызваны желанием, следует заметить, что сознательными, связанными с предваряющими их размышлениями, могут быть и те действия, которые вызваны имеющимися у человека потребностями, желаниями; поэтому такие действия нельзя исключать из состава произвольных).

Волевыми мы называем такие действия, которые направлены на достижение сознательно поставленных целей. Воля – это та сторона

психической жизни человека, которая получает свое выражение в сознательной направленности действий.

Мясищев В. Н. и др. 1968. С. 132

Итак, сопоставляя оба рассмотренных подхода к проблеме воли, делаешь вывод, что каждый из них страдает некоторым экстремизмом. Первый подход необоснованно противопоставляет волю и разум как механизмы управления поведением и деятельностью. Второй подход, также необоснованно, отрицает наличие воли как реального психического явления. В действительности же *воля – это, во-первых, реальное психическое явление, представляющее собой произвольное управление; и во-вторых, она неразрывно связана с разумом (конечно, не подменяя его), поскольку произвольное управление – всегда сознательное и преднамеренное, т. е. разумное.*

2.3. Воля – это волевая регуляция или произвольное управление?

Трудно сказать по какой причине, но в психологии утвердилось понятие «психическая регуляция», а не «психическое управление». Поэтому, очевидно, применительно к воле в большинстве случаев психологи говорят о произвольной или волевой регуляции. Впрочем, вряд ли этому различению придается какой-то специальный смысл. Скорее всего, для большинства психологов управление и регуляция являются тождественными понятиями. Так, Е. Д. Хомская пишет: «Под произвольностью высших психических функций понимается возможность сознательного управления психическими функциями» [1987, с. 131], а Б. В. Зейгарник с соавторами упоминает о «развитии саморегуляции как осознанного управления своим поведением» [Зейгарник, Холмогорова, Мазур, 1989, с. 122].

Понимание воли как управления можно встретить и у В. К. Калина, хотя в основном он пользуется понятием «волевая регуляция»: «Воля... – это система механизмов сознания, обеспечивающая *самоуправление* [курсив мой. – Е. И.] функциональной структурой психики и уровнем ресурсных затрат в деятельности и поведении, в отдельных действиях и поступках» [1989а, с. 54].

По Л. М. Веккеру [1957], воля есть высшая форма произвольной регуляции поведения, а именно та, при которой регуляция осуществляется на основе критерия интеллектуальной, эмоционально-нравственной и общесоциальной ценности того или иного действия. Необходимость волевой регуляции этот исследователь связывает с потребностью в переводе регуляции на личностный уровень.

В. И. Селиванов [1982] тоже считает, что волевая регуляция – не синоним произвольной регуляции, а только одна из ее форм, качественно отличная от других. «Воля – высшая ступень развития произвольного поведения, выраженная в сознательном саморегулировании человека», – пишет он [1992, с. 176]. Волевая регуляция связана, по его мнению, только с сознательно-волевой напряженностью, когда необходимы намеренные волевые усилия, чтобы преодолеть возникшие трудности. «Основная особенность волевой регуляции, – писал В. И. Селиванов, – заключается в сознательной мобилизации личностью своих психических и физических возможностей для преодоления трудностей и препятствий... Понятие “произвольное” намного шире понятия “волевое”. Если даже отрешиться от так называемых “произвольных движений” (И. П. Павлов), этим понятием психологи характеризуют и некоторые формы импульсивного поведения человека, когда... нет представления о трудностях и способах их преодоления, хотя цель акта так или иначе осознается» [1982, с. 15]. В. И. Селиванов отмечал, что произвольная регуляция проявляется и в привычных действиях.

Вопрос, однако, состоит не только в том, чтобы дифференцировать два понятия – «произвольный» и «волевой», но и в том, чтобы различать понятия «управление (произвольное)» и «регуляция (волевая)».

С моей точки зрения, волевая регуляция не тождественна произвольному управлению, а является его разновидностью при необходимости преодолевать возникшие трудности. При этом я исхожу из следующих соображений. В теории кибернетики управление и регуляция соотносятся друг с другом как целое и часть. Если управление понимают как установление определенной зависимости выходных сигналов системы от входных, то регулирование – лишь как блокирование возмущающих воздействий. Точнее, под управлением принято понимать осуществление таких воздействий (выбранных из множества возможных на основании определенной информации), которые способствуют достижению заранее поставленной цели. При этом, характеризуя процесс управления, обычно выделяют такие его стадии, как: сбор и обработка информации, принятие решения, реализация решения и контроль. Что же касается

прямого регулирования, то в это понятие вкладывается более узкий смысл, а именно: приведение управляемой системы в соответствие с установленными нормами, правилами, параметрами функционирования в случае отклонения от них. Это механизм стабилизации состояния системы или ее функционирования.

Отмечу, что сходную позицию в отношении психического управления и психического регулирования занимал Г. С. Никифоров [1989], подробно изучавший этот вопрос. Он считал, что такое понятие, как процессы психического самоуправления, следует рассматривать более широко, нежели процессы саморегулирования, и что эти две области психических процессов соотносятся как целое и часть. Под психическим самоуправлением Г. С. Никифоров понимал сознательные воздействия человека на присущие ему психические явления (процессы, состояния, свойства), выполняемую им деятельность, собственное поведение с целью сохранения или изменения характера их протекания.

Очевидно, термину «управление» соответствует воля в широком понимании – связанная с тем, что называют *произвольной* регуляцией, а термину «регуляция» – узкое понимание воли, соотносящееся с проявлением силы воли, волевых качеств, используемых для удержания поведения человека в пределах норм, правил, необходимых параметров функционирования при наличии препятствий, затруднений.

Таким образом, произвольное управление и волевая регуляция – это не совершенно независимые психологические феномены, а такие, которые соотносятся как целое и его часть. Об этом говорил В. А. Иванников, рассматривая соотношения между произвольной и волевой регуляцией. Это же подчеркивал и В. И. Селиванов [1974], который писал, что как произвольная, так и волевая регуляция характеризуются одними и теми же признаками, а именно сознательной преднамеренностью поведения, основанной на разработке плана, – программы достижения цели; сознательный выбор определенного способа действия из ряда возможных; оценка трудностей и препятствий, стоящих на пути к цели, и необходимость мобилизации волевых усилий для их преодоления; сознательный контроль за исполнением выработанного плана – и сличением достигнутых результатов с первоначально поставленной целью. Различие же между тем и другим видом регуляции, – писал В. И. Селиванов, – состоит в масштабе преодолеваемых трудностей и препятствий, а следовательно, и в величине прилагаемых усилий.

Занимая обозначенную выше позицию, я стою на той точке зрения, что *произвольное управление*, являясь более общим феноменом, организует *произвольное поведение* (включая и волевое), реализуемое через *произвольные*, т. е. мотивированные (сознательные, преднамеренные) *действия*. *Волевая же регуляция*, будучи разновидностью произвольного управления, реализуется через разновидность произвольных действий – *волевые действия*, для которых более существенным становится проявление волевых усилий и которые соотносятся с волевым *поведением*.

Такой подход позволяет снять многие противоречия, возникающие при обсуждении проблемы воли и волевого поведения человека, которые приводят к бессодержательным дискуссиям (к спору, как говорится, о словах). Так, например, В. И. Селиванов вступил в полемику с Л. И. Божович по поводу участия воли в нравственном поведении человека. «Яблоком раздора» послужило высказывание И. М. Сеченова в работе «Кому и как разрабатывать психологию?» о том, что добрые дела вытекают из морального чувства сами собой, на основании нравственной привычки, не требуя со стороны человека дополнительных усилий. Л. И. Божович, ссылаясь на И. М. Сеченова, писала, что подлинный нравственный поступок «никогда не является результатом сознательного волевого акта, а всегда есть результат морального чувства и моральной привычки» [1960, с. 223].

В. И. Селиванов [1975] был с этим решительно не согласен и полагал, что данное высказывание И. М. Сеченова не отражает господствующего духа сеченовских работ. А этот дух заключается в том, что Сеченов старался дать естественнонаучное обоснование сильной воли

«рыцарей» жизни, не уклоняющихся от избранного пути даже под воздействием «самых ужасающих сил».

Мне представляется, что эта дискуссия возникла только из-за того, что воля понималась авторами слишком узко – как исключительно волевая регуляция. Однако при понимании воли как произвольного управления предмет спора исчезает или, по крайней мере, дискуссия переходит в другую плоскость. Ведь и в том, и в другом случае речь идет о сознательном и преднамеренном проявлении нравственности, т. е. о произвольном акте (поскольку делать что-то по привычке еще не означает делать непроизвольно). Поэтому Л. И. Божович не права, отрицая возможность участия волевого акта (произвольного управления) в совершении нравственного поступка. Но вряд ли прав и В. И. Селиванов, который не учитывал того факта, что нравственность по привычке также связана с произвольным управлением, и вследствие этого пытался доказать, будто нравственный человек – это лишь тот, кто не удовлетворяется достигнутым и постоянно мобилизует все новые волевые усилия, чтобы добиваться новых успехов.

Ближе к истине оказалась М. С. Неймарк [1973], которая отмечала, что нравственные качества человека могут проявляться как на уровне сознательных намерений, когда требуется волевое усилие, так и на уровне непосредственных нравственных потребностей – без борьбы с конкурирующими желаниями, по нравственной привычке.

Как видим, приведенная выше полемика имела несколько надуманный характер и возникла лишь потому, что авторы понимали волю только как волевую регуляцию.

Воля как самоуправление. Воля (или произвольность) – это *самоуправление своим поведением с помощью сознания*, которое предполагает *самостоятельность* человека не только в принятии решения (пресловутая «свобода воли»!), но и в инициации действий, их осуществлении и контроле. В лингвистике прибавление местоименного прилагательного *само* к тому или иному слову имеет вполне определенное словообразовательное значение, смысл которого заключается в обозначении направленности действия на того, кто его производит. Отсюда *главной сущностью воли является самость*. Именно она отличает произвольное управление от непроизвольного. И именно ее имел в виду Аристотель, когда говорил о произвольной регуляции.

Одной из наиболее простых форм двигательных проявлений можно считать так называемые самопроизвольные движения, являющиеся, по видимому, не чем иным, как результатом разряда энергии, накопившейся в центральной нервной системе. Только что родившийся на свет ребенок кричит, беспорядочно двигает ручками и ножками; эти движения отчасти рефлекторны, т. е. вызваны внешними раздражениями, отчасти же самопроизвольны: накопившаяся энергия требует разряда, и этот разряд выражается движениями. Засидевшийся на уроке ученик вскакивает во время перемены с места, начинает бегать, кричать, прыгать; молодые животные также часто бегают, прыгают без всякого повода. Наконец, взрослый человек, встав с постели, потягивается, совершает ряд движений, не имеющих никакой другой цели, как только размяться после долгой неподвижности.

Следующую ступень составляют подражательные движения. Как это ясно уже из самого названия, в их состав входит прежде всего восприятие движений, совершаемых другим живым существом, а затем двигательные импульсы, направленные на выполнение таких же точно движений. Следовательно, подражательные движения всегда сознательны или, по крайней мере, полусознательны. Они могут быть произвольными или непроизвольными; в общем, однако, сам человек, его личное хотение играет здесь все же очень незначительную роль. Действия детей вообще характеризуются очень значительным развитием подражательности – и соответственно этому воля их

слаба, внушаемость значительна. То же самое и у взрослых людей: чем больше развита у них подражательность, тем менее проявляется самостоятельная инициатива, способность к энергичным волевым импульсам.

Наконец, высшую ступень составляют сознательные произвольные движения. Они отличаются от остальных движений тем, что включают в себя новый элемент, являющийся как раз наиболее характерным для волевых процессов, именно элемент волевого напряжения. Можно сказать даже, что все перечисленные до сих пор более элементарные роды движений не составляют еще волевых актов в собственном смысле этого слова, а только в сознательных произвольных движениях мы вступаем в область вполне выраженного волевого процесса.

Лазурский А. Ф. 2001. С. 228–229

Надо отметить, что различные психологи вкладывают в понятие «самость» разный смысл. В моем понимании самость означает не то, например, что я сам отдернул руку, уколовшись обо что-то острое, т. е. проявил защитный рефлекс. Самость – это *сознательное преднамеренное* планирование человеком своих действий в соответствии с собственными желаниями, с переживаемым им самим чувством долга (мотивация), это *отдача самому себе команды* для начала действия, *стимуляция самого себя, осуществление самоконтроля* за своими действиями, состояниями.

Поэтому наиболее близким к моему пониманию воли является ее определение, которое дано в словаре «Психология»: «Воля – способность человека, проявляющаяся в самодетерминации и саморегуляции им своей деятельности и различных психических процессов» [1990, с. 62].

Правда, следует иметь в виду, что термины «самоуправление», «саморегуляция», «самооптимизация» и т. п. используются зачастую и в отношении любых систем, снабженных автоматическим управлением, в том числе и технических. Поэтому, чтобы отделить волевое самоуправление от неволевого, я считаю целесообразным в последнем случае говорить об *автоуправлении, авторегуляции, автооптимизации* и т. д. Термин же «самоуправление» и родственные ему предлагается оставить за произвольными (сознательными) процессами, связанными с самосубъектными отношениями. Во всяком случае, в данной книге речь идет именно о произвольном самоуправлении.

2.4. Структура произвольного акта

Со времени Нарцисса Аха основным становится вопрос: что входит в волевой акт? Если обобщить многие подходы, то можно сказать, что рассматриваются две стороны воли – формирование побуждения (интенции) и ее реализация. Первая связывается с мотивацией, вторая – с осуществлением действия и контролем за ним.

Н. Н. Ланге в волевом (произвольном) действии выделял четыре части: 1) чувство, потребность, т. е. стремление; 2) предсказание о цели; 3) представление о движении; 4) само движение. С. Л. Рубинштейн в произвольном действии тоже выделил четыре стадии: 1) актуализация побуждения и постановка цели; 2) обсуждение и борьба мотивов; 3) решение о действии; 4) исполнение действия. В. И. Селиванов выделяет три стадии: 1) постановку цели действия; 2) мысленное планирование исполнения и 3) само исполнение. Поскольку эта структура соответствует структуре любой деятельности, В. И. Селиванов поясняет, что названия «волевая деятельность», «волевое действие» используются им лишь для того, чтобы показать наличие в этих действиях и деятельности волевого компонента.

Из зарубежных психологов, рассматривающих стадии волевого действия, нужно назвать Р. Ассаджиоли (R. Assagioli, 1974). Он выделяет шесть стадий: 1) осознанная цель, ее оценка, возникновение мотивации на основании оценки; 2) размышление; 3) выбор одной цели из нескольких; 4) подтверждение выбора; 5) составление программы действий с учетом имеющихся средств; 6) исполнение действия.

Х. Хекхаузен (2003) в качестве волевого акта рассматривает только осуществление намерения, а фактически – инициирование интенции (побуждения) и самоконтроль за действием. Весь процесс осуществления действия он делит на четыре фазы: подготовительную, преакциональную, акциональную и постакциональную (рис. 2.1).

Рис. 2.1. Схематическое изображение четырех фаз действия (Gollwitzer, 1988)

Две из этих фаз связаны с мотивационным состоянием, а две – с волевым. В первой (подготовительной) фазе происходит обдумывание различных вариантов действия, и заканчивается она формированием интенции (побуждения). В преакциональной фазе субъект ждет подходящего момента и подходящих обстоятельств для воплощения сформированной интенции в действие или же для отказа от этой интенции. Следующая фаза связана с реализацией интенции и заканчивается достижением результата, после чего действие прекращается (дезактивация). Последняя фаза (мотивационная постакциональная) обусловлена оценкой достигнутого, анализом причин, позволивших добиться результата, т. е. по существу связана с получением субъектом опыта для инициирования будущих действий.

В отношении этой модели возникает ряд вопросов. Во-первых, не понятно, почему из воли исключены мотивация и самооценка: разве они осуществляются произвольно? Во-вторых, разве в волевой преакциональной фазе человек всегда ждет обстоятельств, позволяющих реализовать интенцию, а не сам их организует? Рассматриваемый Хекхаузенем случай является частным, обозначаемым в психологии как «борьба мотивов», и скорее связан с отложенными на время намерениями, существующими в данный момент и ждущими «своего часа» для реализации (мотивационными установками), или с ожиданием сигнала к началу действия (например, бегуны на старте). В-третьих, на каком основании оценка достигнутого результата отнесена к мотивации?

Весьма сомнительно и утверждение Хекхаузена, что «многие повседневные действия, такие как вставание с постели, одевание, приветствие знакомых, происходят по привычке, автоматически и не требуют принятия решения» [с. 341].

Ах различал четыре феноменологических момента первичного волевого акта. Так называемый «наглядный момент» понимается как телесные ощущения напряжения в разных частях тела (например, в области шеи). Испытуемый имеет представление о действии, которое надо выполнить, **представление цели**, связанное с вызывающими ее стимулами и подходящей возможностью, при которой следует выполнить требуемое действие (так называемым **представлением условий**). Представление цели и условий Ах назвал «предметным моментом» волевого акта. Центральной составной частью переживания является так называемый «актуальный момент», который усиливает первоначальное намерение, переходя в твердую решимость типа «я действительно этого хочу!», и отвергает другие альтернативные действия. Весь волевой акт сопровождается «моментом состояния», под которым понимается переживаемый уровень усилий.

Эти четыре феномена являются реакцией на препятствия, возникающие в ходе реализации намерения...

Можно задаться вопросом, что именно исследовал Ах в волевом акте: само намерение, процесс усиления уже имеющегося намерения или формирование дополнительного намерения для повышения вероятности реализации первоначального. Дело в том, что волевой акт в смысле принятия решения о выполнении некоторого действия начинался с того момента, когда испытуемый принимал указания экспериментатора осуществить данное действие. На это указывал Зельц [Selz, 1910] сразу после выхода работы Аха... «Мы полагаем, что Ах исследует не процесс принятия решения, а волевое напряжение, направленное на реализацию уже принятого решения» [Selz, 1910].

Если под волевым актом понимать исходный процесс формирования намерения, то Ах исследовал нечто, возникающее после образования намерения, а именно обновленное и усиленное начальное решение.

Хекхаузен Х. 2003. С. 307–308

Таким образом, структура произвольных действий у разных авторов в принципе сходная. Важно подчеркнуть, что у всех авторов исполнению действия предшествует мотивационный процесс и в то же время отсутствует важный этап – инициация действия, его запуск.

Если произвольное действие включает только две стадии – первую и последнюю, то говорят о простых произвольных действиях, если все – о сложных произвольных действиях [В. В. Богословский, 1973]. Надо сказать, что названные стадии далеко не исчерпывают состав и динамику произвольного действия. Так, и у С. Л. Рубинштейна, и у В. И. Селиванова отсут-

ствуют стадии контроля за исполнением действия и оценки его результата. Да и постановка цели, о которой говорят упомянутые выше авторы, т. е. процесс мотивации, сам состоит из нескольких стадий, что будет показано во второй части монографии.

Важно замечание К. Н. Корнилова, что, хотя произвольные действия осознанны, но включают, при их автоматизации, и такие движения, операции, которые потеряли свой первоначальный сознательный характер. Однако и эти операции подчинены общей конечной цели произвольного действия.

Расшифровывая структуру произвольного управления, Е. Д. Хомская отмечает, что оно «предполагает, с одной стороны, наличие программы, в соответствии с которой протекает та или иная психическая функция (выработанная самостоятельно или данная в виде инструкции), постоянный контроль за ее протеканием (куда входит контроль за последовательностью операций и контроль за результатами промежуточных фаз) и контроль за окончательным результатом деятельности (для которого необходимо сличение реального результата с предварительно сформированным «образом результата»). Произвольное управление психическими функциями предполагает наличие соответствующего мотива, без которого никакая сознательная психическая деятельность невозможна» [1987, с. 131].

Исходя из вышесказанного, произвольное управление, с моей точки зрения, включает в себя *самодетерминацию, самоинициацию и самоторможение* действий, *самоконтроль* (как за своими действиями, так и за своим состоянием, эмоциями), *самомобилизацию и самостимуляцию*. В соответствии с таким пониманием общая функциональная структура произвольного управления (воли в широком понимании) выглядит так (рис. 2.2).

Рис. 2.2. Функциональная структура произвольного управления

Произвольное управление является интегральным психофизиологическим процессом, поскольку оно, с одной стороны, включает в себя, помимо волевого усилия, ряд других психологических феноменов: мотивы (желания, долженствование), интеллектуальную активность, нравственную сферу личности, – но, с другой стороны, базируется на физиологических процессах и особенностях их протекания (свойствах нервной системы). Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что проявления воли – волевые качества – имеют генетическую (биологическую) основу, а не только социальную. Не случайно зачатки воли наблюдаются и у животных [П. В. Симонов, 1971].

Б. Н. Смирнов [2004] выражает сомнение в правомерности моего понимания структуры воли, которая представляется ему излишне широкой. Он пишет, что оно «расходится с пониманием воли целым рядом психологов во второй половине XX века... В нашей психологии принято различать механизмы управления личностью своим поведением с помощью мотива и с помощью волевого усилия» [с. 70]. При этом он ссылается на В. И. Селиванова, считающего, что волевая регуляция – не синоним всей произвольной регуляции, а только одна из ее форм. Собственно, я и пытался утвердить эту мысль. Другое дело, является ли произвольное управление синонимом воли или им является только волевая регуляция. Здесь моя позиция расходится с позицией Б. Н. Смирнова.

Что же касается представлений психологов второй половины XX в. о воле, то оно не столь однозначно, как представляется Б. Н. Смирнову. Я уже привел взгляды на многокомпонентную структуру волевого управления С. Л. Рубинштейна, Е. Д. Хомской, Р. Ассаджиоли, во многом совпадающие с представленной мною структурой.

Первая составляющая произвольного управления – мотивация – рассматривается в книге «Мотивация и мотивы» (СПб.: Питер, 2000, 2006). Остальные составляющие произвольного управления анализируются далее. Причем в связи с тем, что предпоследняя составляющая – самоконтроль – подробно изучена Г. С. Никифоровым в его монографиях, в главе 6 будут исследованы только некоторые аспекты самоконтроля, в основном теоретические, связанные с его механизмами.

2.5. Произвольные и волевые действия

Действие как произвольное и преднамеренное проявление человеком активности, направленной на достижение ближайшей цели, чаще всего рассматривается как специфическая единица человеческой деятельности (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев), хотя действия совершаются человеком и вне деятельности.

Если налицо имеется лишь один мотив, подготовляющий аффект и его разрешение в действии, то мы называем такой волевой процесс действием по влечению. Действия животных, по-видимому, почти все являются такого рода простыми волевыми действиями. Но и в душевной жизни человека они играют весьма важную роль, сопровождая более сложные волевые процессы, и эти сложные процессы очень часто возникают из действий по влечению, когда последние повторяются. Действия, возникающие из многих борющихся друг с другом сильно окрашенных чувствованиями мотивов, мы называем, напротив, произвольными действиями, или, если мы вполне сознаем предшествовавшую борьбу противоположных мотивов, действиями по выбору.

Вундт В. 2002. С. 45–46

Произвольные действия выделяют и классифицируют по тем функциям, которые они выполняют. К ним относятся познавательные (перцептивные, аттенционные, мнемические, интеллектуальные) и психомоторные действия (табл. 2.1).

Таблица 2.1. Состав произвольных действий

Познавательные действия	Психомоторные действия
Смотреть	Сокращать мышцы
Слушать	
Припохватываться	Расслаблять мышцы
Запоминать	Ускорять движения
Припоминать	Замедлять движение
Представлять	Анализировать движение
Вообразать	Соразмерять движения по параметрам силы, быстроты, протяженности
Думать	

Э. Ш. Натанзон [1991] выделила ряд действий, которые можно считать произвольными: сознательные, сознательные с непредвиденными результатами, умышленные, волевые, импульсивные, аффективные, негативистские, внушаемые (скорее – внушенные), нечаянные и даже бесполезные. Классификация этих действий базируется у автора на характере мотивов, побуждающих к данным действиям, и на оценке этих действий педагогом с социальных позиций (какие действия полезные, а какие – вредные). К сожалению, эта интересная попытка расклассифицировать произвольные действия человека на основании их мотивации не имеет строгой логичности и бесспорных критериев для того, чтобы четко отделить один вид действий от другого.

Сознательное действие характеризуется Э. Ш. Натанзон как направленное на достижение определенного результата, причем предполагается, что, совершая данное действие, человек предвидит его результат и контролирует ход действия на всем его протяжении.

Сознательное действие с непредвиденным результатом характеризуется положительным мотивом и целью, но неожиданно негативным результатом. Это неумышленное действие, утверждала автор, с чем, однако, трудно согласиться. Действие все-таки умышленное, иначе

непонятно, почему оно сознательное; неумышленным же (точнее, непредвиденным) является его результат.

Нечаянное действие (или поступок) – это действие, совершенное без соответствующего мотива и без соответствующей цели. Когда человек пытается отдать себе отчет в таком действии, то приходит к выводу, что все получилось помимо его воли, в силу каких-то неблагоприятных обстоятельств. Следовательно, это неумышленное действие. И здесь опять же трудно согласиться с автором. Неумышленным, т. е. непланировавшимся, может быть результат действия, а не само действие. Кроме того, и мотив и цель у человека имелись, иначе он не стал бы осуществлять это действие. По сути, это тоже сознательное действие с непредвиденным результатом.

Умышленное действие, по Э. Ш. Натанзон, характеризуется тем, что мотив, цель и средства для достижения цели носят отрицательный характер, что придает отрицательный характер всему действию. Умышленное действие – продуманное и тщательно планируемое. Но в таком случае любое сознательное действие является умышленным. Дело, следовательно, не в характере управления действием, а в отрицательной направленности мотива.

Негативистское действие – это действие, которое совершается человеком при сильной обиде на кого-либо. Мотивом такого действия служит потребность в разрядке своего чувства, желание отомстить, а целью – определенное действие, которое может причинить обидчику неприятности. По существу, это тоже умышленное действие.

Импульсивное действие совершается по первому побуждению, когда человек недостаточно серьезно обдумал возможные последствия. Против этого трудно возразить. Зато другие характеристики импульсивного действия, которые давала Э. Ш. Натанзон, скорее соответствуют *аффективному действию*. Так, она приписывала импульсивному действию явно выраженный мотив без четкой цели и отсутствие концентрации сознания на достигаемом результате. Главное – это удовлетворение желания и выражение нахлынувшего сильного чувства.

Внушенное действие, считала Э. Ш. Натанзон, не имеет мотива, а цель его возникает под влиянием других людей, но не на основе собственных потребностей, интересов и чувств. Поэтому внушенные действия в целом недостаточно продуманны. Если не касаться действий, совершенных человеком под влиянием гипнотического внушения, а рассматривать внушение, осуществленное, например, педагогом, то трудно согласиться с автором, что эти действия не имеют мотива. Это внешне мотивированные действия.

Бесполезное действие – это действие, совершаемое «просто так», возникающее само по себе. В нем есть и мотив, и цель, но объективно оно никакой ценности не представляет. Бесполезное действие, как правило, совершают, не задумываясь над тем, какой общественный резонанс оно получит. В сознании самого человека оно выглядит как совершенно безобидное. Это неумышленное действие, но отнюдь не безобидное, считала Э. Ш. Натанзон. Такое действие называется «шалостью»: дети бьют пустые бутылки, ломают ящики и коробки и т. д.

Волевое действие – это сознательное действие, связанное с преодолением серьезных трудностей на пути к цели и, в связи с этим, сопряженное со значительными волевыми усилиями. Таким образом, волевое действие характеризуется не только наличием определенного мотива, цели, формированием образа ожидаемого результата, но и значительным волевым усилием. С этим трудно не согласиться.

Естественным свойством человека является способность осознанно делать то, что требует природа.

В. Швёбель

К. Н. Корнилов *произвольные действия разделяет на внешние и внутренние*. Последние связаны с задержкой внешнего действия.

Волевые действия. Большинство психологов не выделяет волевые действия в особую категорию, отождествляя их с произвольными.

Например, по К. Н. Корнилову [1957], волевые действия – это сочетание или целая система движений, связанных между собой общей целью, единым мотивом. Эти действия, отмечал К. Н. Корнилов, называются волевыми потому, что они являются выражением нашей воли. С моей точки зрения, в данном случае следовало бы говорить о произвольных действиях, а не волевых, поскольку, описывая их, автор не говорил о преодолеваемых при их осуществлении препятствиях.

К. М. Гуревич [1940] называл волевым такое действие, в котором преодолевается аффективно-отрицательное отношение ради эффективно-положительной цели.

Ф. Н. Гоноболин [1973] вроде бы выделял волевые действия среди произвольных, однако в чем состоит специфика первых по сравнению со вторыми – в даваемых им определениях остается неясным. Так, произвольные действия он характеризовал как сознательные и преследующие определенную цель и в то же время писал, что такие действия могут быть названы волевыми.

Н. Д. Левитов [1958] отмечал, что нередко волевые действия называют произвольными, в отличие от непроизвольных. Такую замену он считал неудачной, так как термин «произвольный» в жизни обычно употребляется как синоним термина «своевольный», для обозначения непродуманных действий, движимых капризом или упрямством.

Не соглашаясь с утверждением Н. Д. Левитова о непродуманности произвольных действий, я тоже считаю, что целесообразно различать (но не отрывать друг от друга!) произвольные и волевые действия, так же как и произвольное управление и волевою регуляцией.

Е. О. Смирнова тоже разделяет произвольные и волевые действия [1990]. По ее мнению, волевые действия всегда являются инициативными: их побуждение должно исходить от самого человека. Цели же и задачи произвольного действия задаются извне и могут лишь приниматься или не приниматься человеком. По существу, Е. О. Смирнова говорит о произвольных действиях как «внешнеорганизованных», а о волевых действиях – как о «внутреннеорганизованных».

Анализ текстов Н. А. Леонтьева показывает, что в них эксплицитно или имплицитно представлены следующие обязательные условия правильного понимания воли: рассмотрение всей системы мотивов человека; учет их масштаба и иерархии; подчеркивание того, что волевой может быть лишь деятельность, побуждаемая социально-значимыми идеальными мотивами.

Гиппенрейтер Ю. Б. О природе человеческой воли // Психологический журнал. 2005. № 3. С. 17

Произвольность, считает Е. О. Смирнова, поддается тренировке, обучению, которое заключается в усвоении средств овладения своим поведением. Воля, по ее мнению, такой тренировке не поддается. Если принимать за волю мотивы, как это имеет место у Е. О. Смирновой, то с автором можно было бы и согласиться: мотивы формируются, а не тренируются. Но с другой стороны, разве не очевидно, что воля (по крайней мере ее нравственный компонент) воспитывается?

Таким образом, на мой взгляд, для деления действий на произвольные и волевые Е. О. Смирнова выбрала не очень удачное основание.

А. А. Люблинская [1971] считала, что произвольные действия превращаются в волевые в процессе овладения ребенком речью. С этим нельзя согласиться: ведь и произвольные действия характеризуются связью с речью. Дело не в овладении речью как таковой, а в придании некоторым словам не только пускового, но и стимулирующего значения или значения запрета.

Таковыми А. А. Люблинская считала только два слова – «надо» и «нельзя», которые ребенок сначала слышит от взрослых, а затем использует в процессе самоуправления.

В. А. Иванников [1991] охарактеризовал волевое действие как действие с двумя смыслами: один задается жизненным, т. е. исходным, мотивом, а другой – воображаемым, при дефиците силы первого. Конечно, как частный случай волевой регуляции это принять можно (если только расшифровать, что такое смысл, проистекающий от жизненного мотива, и чем он отличается от воображаемого смысла), но все же такой подход с «двойной мотивацией» оставляет открытым вопрос: почему же такие действия называются волевыми?

В связи с этим приведу мысль В. К. Котырло: «... чтобы волевое действие было основным “представителем” воли, оно по своей сущности должно нести в себе основные черты волевой регуляции» [1971, с. 38].

Волевые действия – это разновидность произвольных действий, спецификой которых является использование при достижении цели волевого усилия. Это действия, связанные с преодолением затруднений, требующие больших затрат энергии и сопровождающиеся переживанием внутреннего напряжения.

К волевым действиям относятся: всматривание (при плохой видимости), прислушивание (при плохой слышимости или звуковых помехах), принюхивание, концентрация внимания, припоминание, сдерживание побуждений, проявление большой силы, быстроты и выносливости, т. е. все те сенсорные, мнемические и двигательные действия, осуществление которых требует проявления значительного волевого усилия.

Глава 3. Психофизиологические механизмы произвольного управления поведением и деятельностью

3.1. Условно-рефлекторные теории произвольного управления

И. П. Павлов [1951б] считал произвольные движения по механизму их вызова (инициации) условно-рефлекторными, подчиняющимися всем законам высшей нервной деятельности. Однако если разобраться в схеме произвольных движений животных, которая предложена И. П. Павловым, то нужно сделать вывод, что произвольные движения являются обратной реакцией со стороны животного при возбуждении системы пищевой центр – двигательный центр. Сначала по условиям эксперимента движение вызывало возбуждение пищевого центра и слюноотделение, а затем, при упрочении связи между центрами, возбуждение пищевого центра стало вызывать возбуждение двигательного центра и движения лапой. Если в случае образования пищевого рефлекса появление слюноотделения в ответ на движение лапой имеет целесообразность (движение лапой служит сигналом о скором появлении пищи, в результате чего возникает подготовленность к ее принятию – слюноотделение), то увидеть целесообразность движений лапой после возбуждения пищевого центра трудно. Движения животного в экспериментах Н. И. Красногорского, на которые ссылался И. П. Павлов, ни на что не направлены, они спонтанны и просто не нужны животному. Они лишены биологического смысла. А с точки зрения Н. А. Рожанского [1957], произвольные движения должны обладать этим смыслом, биологической направленностью. Вероятно, не случайно сам И. П. Павлов говорил о «так называемых произвольных движениях».

Сказанное можно отнести и к эксперименту Г. И. Широковой [1956], которая случайные, спонтанные движения собаки между условными сигналами превращала в закономерные (но ни на что не направленные) и на основании этого называла их произвольными. *Но спонтанность – это не произвольность, не преднамеренность и не сознательность акта.*

В то же время эксперименты павловской физиологической школы показали, что «кинестетические клетки коры могут быть связаны (и действительно связаны) со всеми клетками коры (мозга), представительницами как всех внешних влияний, так и всевозможных внутренних процессов организма. Это и есть, – считал И. П. Павлов, – физиологическое основание для так называемых произвольных движений, т. е. обусловленность их суммарной деятельностью коры» [1951б, с. 446]. Данное положение действительно нашло подтверждение в отношении произвольных движений человека. Они представляют собою сложно афферентированные движения, связанные с сигналами, идущими от различных анализаторов, среди которых базовым является кинестетический анализатор. Кинестетические клетки коры, как и предполагал И. П. Павлов, образуют условную связь с двигательными клетками коры (мозга), от которых начинаются пирамидальные эфферентные пути, и таким образом обеспечивают системную регуляцию мозгом произвольных движений.

Однако, несмотря на эти важные положения, в целом работы школы И. П. Павлова, проведенные на животных, не затрагивали существа произвольности и волевого регулирования поведения, тем более что у человека управление своим поведением намного сложнее и касается не только произвольных движений, но и познавательных процессов – внимания, восприятия, памяти, мышления, воображения. В настоящее время нельзя ограничиться простой констата-

цией условно-рефлекторной природы произвольных актов, надо искать конкретные физиологические особенности тех реакций, которые относят к разряду произвольных.

Близкое к павловскому понимание воли имелось и у ряда западных физиологов и психологов, а также у отечественного психолога Н. Н. Ланге. Суть их представлений сводилась к тому, что волевые движения – это приобретенные в онтогенезе, выученные реакции. Волевые движения определялись как влияние приобретенных индивидом в его личном опыте представлений и ассоциаций на врожденный нервный механизм рефлексов. Над низшей нервной системой рефлекторных механизмов образовалась в ходе эволюции видов особая система высших нервных регуляторов, составляющих передний мозг (мозговые полушария), которые, отражая раздражения чувствительных центров, организуют их в определенные системы ассоциационных комплексов (т. е. системы воспоминаний личного прошлого опыта индивида), а затем оказывают возбуждающее и регулирующее влияние на двигательные центры низшей системы, производя то, что называют волевыми, сознательными действиями.

Таким образом, как отмечал Н. Н. Ланге, волевая деятельность отличается тем, что «в рефлективный, или инстинктивный сенсомоторный процесс вставляется сложный опосредующий член, изменяющий как сенсорную, так и моторную его половину, именно в смысле особой “центральной” переработки этих по существу “периферических процессов”. Сенсорные впечатления при этой “центральной” переработке выступают уже не в виде простых ощущений, но в систематизированных рядах сложных перцепций, воспоминаний, ассоциаций и понятий, чувства – в виде различных форм, разнообразных эмоций личности и, наконец, движения – в различных видах индивидуализированных волевых навыков» [1996, с. 290].

Таким образом, в соответствии с этим роль воли состоит лишь в том, чтобы привести в действие уже сложившиеся механизмы двигательных актов.

Осознавая ограниченность такого понимания воли, Н. Н. Ланге далее писал: «Изложенная теория происхождения волевых движений из опыта невольных требует, однако, еще одного важного дополнения. Предыдущее рассуждение могло внушить мысль, будто волевые движения отличаются от невольных лишь формально, т. е. тем, что они вызываются кинестетическими представлениями, но по содержанию являются только волевыми повторениями прежних невольных действий, т. е. разнообразие видов движений этим не увеличивается. Правда, даже и это формальное изменение само по себе представляет огромную жизненную выгоду, ибо благодаря тому, что волевое исполнение движений обуславливается прежними кинестетическими представлениями, эти движения оказываются связанными уже со всем личным опытом существа, которому принадлежит данное кинестетическое представление. Через это волевые движения освобождаются от непосредственной зависимости от наличных в данный момент внешних впечатлений, в них реализуются не только эти впечатления, но и весь опыт, вся личная память существа... Однако ценность волевых движений этим не исчерпывается, они не только являются волевыми повторениями прежних рефлекторных или инстинктивных реакций существа, но и создают совсем новые по содержанию виды действий» [там же, с. 295–296].

Другое изменение в волевых действиях при их дальнейшем развитии Н. Н. Ланге связывал с тем, что кинестетические представления о движении постепенно замещаются представлениями о более или менее отдаленных результатах этого движения как главной цели волевого акта – предмета хотения. Однако во всяком хотении сохраняется явный признак того, что оно имеет или имело моторное содержание. Об этом свидетельствует чувство усилия, сопровождающее хотение, ибо усилие всегда в своей основе имеет мышечное напряжение.

«Благодаря всему этому, – писал Н. Н. Ланге, – волевые акты являются полным выражением всей психической личности, как она сложилась и развивалась в индивидууме... Анализ этого сложнейшего процесса психической жизни, называемого в совокупности волей, или волевыми действиями, составляет особенно важную, но и трудную задачу психологии, тем более что в этой области часто эмпирическое научное исследование затемняется метафизиче-

скими понятиями вроде “душевной силы” или номинальными объяснениями из “способностей души”» [там же, с. 290].

Следуя учению И. П. Павлова, В. И. Селиванов [1992] пишет, что «воля – не врожденное явление. Она формируется в процессе всей жизни человека и прежде всего в процессе целенаправленного воспитания» [с. 182]. С этим можно согласиться, но при этом не следует сводить волю к павловским условным рефлексам и в то же время отрицать наличие в волевых проявлениях (особенно когда речь идет о так называемой «силе воли») врожденных механизмов и задатков.

3.2. Функциональные системы и произвольное управление действиями и деятельностью

Со времен И. П. Павлова понимание физиологических механизмов управления поведением значительно продвинулось. Представление о рефлекторной дуге было заменено на представления о рефлекторном кольце (Н. А. Бернштейн [1966]), которое включает внутреннюю и внешнюю «обратную связь» и сличение того, что происходит с тем, что должно быть. На Западе эти представления получили выражение в модели саморегуляции Канфера [Kanfer, 1970, 1975; Kanfer, Nagermann, 1981, 1987]. Эта модель описывает цикл саморегуляции, который включается каждый раз, когда действие прерывается вследствие возникновения препятствий или когда не достигается нужный результат. Канфер выделил три следующие друг за другом фазы. Первая фаза – самонаблюдение: субъект регистрирует свое поведение (или, как теперь принято говорить, осуществляет мониторинг). Вторая фаза – самооценивание: происходит сравнение результатов самонаблюдения с имеющимся стандартом, связанным с уровнем притязаний. При этом выявляются отклонения по величине и направлению и субъект пытается оценить, в какой мере он может повлиять на изменение ситуации. Третья фаза – подведение итогов: осуществляется либо позитивное самоподкрепление при достижении желаемого результата, либо негативное самоподкрепление, если цель не достигнута.

Наиболее детально механизм управления действиями и деятельностью рассмотрен в схеме П. К. Анохина [1978], которая целиком приложима и к произвольному управлению.

Деятельность человека разнообразна как по смыслу и действиям, так и по тем условиям, в которых она протекает. Разные цели, задачи и условия деятельности предъявляют и разные требования к человеку и его функциональным системам. Поэтому функциональные системы каждый раз при изменении программы и условий деятельности частично или полностью реорганизуются, т. е. могут состоять из разного количества блоков, выполняющих свои специфические функции (в каждой функциональной системе участвуют разные психические процессы, двигательные и волевые качества и т. д.). Это значит, что архитектура (строение) функциональных систем, формирующихся для получения полезных результатов (решения задачи), различна. Несмотря на это, все функциональные системы, независимо от уровня их организации и количества составляющих их компонентов, имеют принципиально одинаковую функциональную архитектуру и принципы функционирования, под которыми понимаются законы упорядочения деятельности субсистем с целью получения полезного результата.

Схема управления действиями человека, по П. К. Анохину (рис. 3.1), включает в себя пять блоков:

А – блок афферентного синтеза;

Б – блок принятия решения;

В – блок составления программы действия или деятельности в целом;

Г – блок исполнения и получения результата;

Д – блок обратной связи, поставляющей информацию о результатах совершенного действия.

Рассмотрим, как функционируют эти блоки и каков их вклад в произвольное управление действиями.

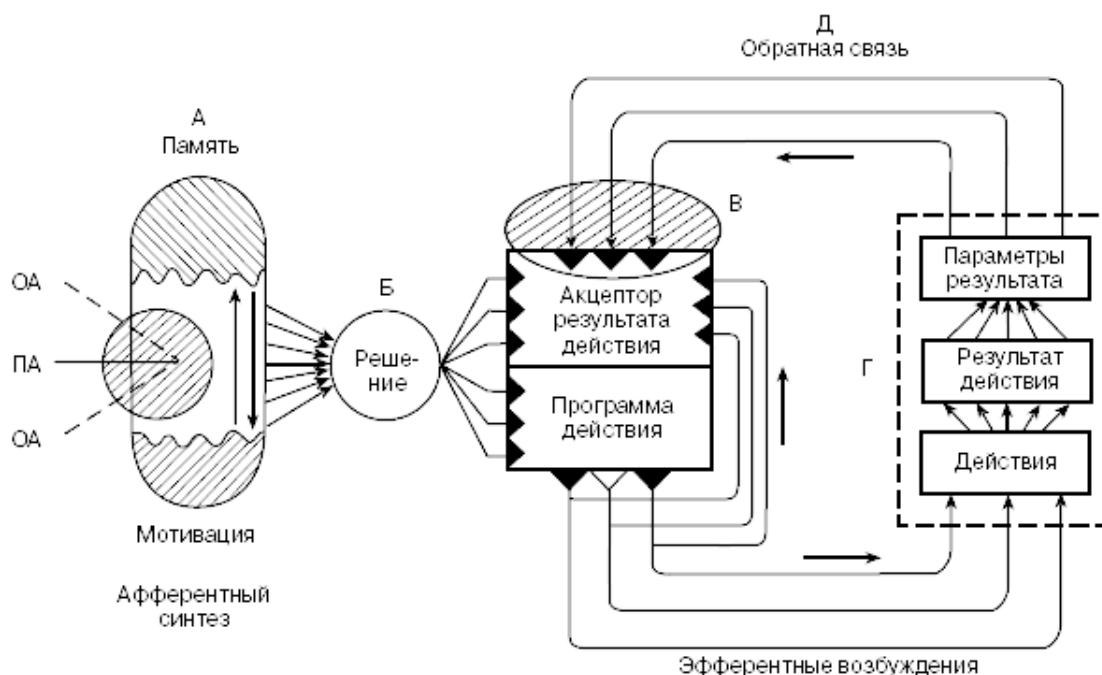

Рис. 3.1. Схема функциональной системы по П. К. Анохину: А – стадия афферентного синтеза; ОА – обстановочная афферентация; ПА – пусковая афферентация; Б – принятие решения; В – формирование акцептора результатов действия и эфферентной программы самого действия; Г–Д – получение результатов действия и формирование обратной афферентации для сличения полученных результатов с запрограммированными

Афферентный синтез. Афферентный синтез, по теории П. К. Анохина, осуществляется при взаимодействии четырех факторов: 1) пусковой афферентации; 2) обстановочной афферентации; 3) памяти и 4) мотивации. Пусковой сигнал воспринимается с помощью органов чувств в виде ощущений, посылающих соответствующие раздражителю сигналы по проводникам, идущим в нервные центры, – афферентным (чувствительным) нервам. В центральной нервной системе эти сигналы обрабатываются, в результате чего ощущения синтезируются и возникает восприятие объектов и ситуаций. «Опознание» пусковой информации происходит с помощью долговременной и кратковременной памяти, т. е. следов от предшествующей активности человека в аналогичных ситуациях.

Переработка в центральной нервной системе пусковой информации имеет прежде всего задачу определить значимость для человека данного сигнала. Это особенно важно в тех случаях, когда поступает одновременно несколько сигналов и человек должен выбрать, на какой из них следует реагировать сейчас, на какой – потом, на какой вообще не нужно реагировать. Однако прежде чем принять окончательное решение, человек должен сопоставить пусковую афферентацию с обстановочной (фоновой) афферентацией, сообщающей о состоянии самого человека, о внешней ситуации. Если ситуация мешает получению обычной, стандартной реакции на данный стимул, в программу действия по достижению цели вносятся поправки.

Опознание пускового сигнала (в роли которого может выступать и потребность) приводит к появлению «модели потребного будущего», по выражению Н. А. Бернштейна, т. е. модели того, что должно произойти при реагировании на этот стимул.

По П. К. Анохину, мотивационное возбуждение, возникающее на основе потребности, заключает в своей архитектонике свойства тех раздражителей, которые приводят к удовлетворению данной потребности: воздействуя на корковые клетки, оно создает особую химическую «настроенность». Такая настроенность клеток определяет их реакцию, благодаря чему

осуществляется активная фильтрация сенсорной информации. Таким образом, потребностное возбуждение определяет активное использование и подбор специальных раздражителей из внешнего мира, сигнализирующих об объектах, способных удовлетворить исходную потребность организма. Это опережающее отражение результата деятельности формируется на основе афферентного синтеза.

Очевидно, эти представления П. К. Анохина целесообразно дополнить представлениями А. А. Ухтомского о доминанте. Согласно этим представлениям, доминанта как временно господствующий очаг возбуждения (а потребностное возбуждение можно назвать таковым) понижает пороги к адекватным раздражителям (соответствующим доминанте) и повышает пороги к тем раздражителям, которые не имеют к ней отношения. Следовательно, доминанта способствует избирательному восприятию стимулов, раздражителей, сигнализирующих о предмете удовлетворения потребности.

Встраиваясь в процесс произвольного управления, описанные выше непроизвольные, не зависящие от воли человека механизмы получения и переработки информации помогают принятию обоснованного решения, как бы высвечивая, как лучи прожектора, те объекты и их свойства, которые необходимы для удовлетворения потребности.

Таким образом, «афферентный синтез» приводит к получению человеком «информации к размышлению», т. е. сведений, необходимых для принятия обоснованного решения: какой должна быть цель, каковы внешние и внутренние условия для ее достижения.

Принятие решения связано с *уверенностью или неуверенностью* человека. Эта характеристика выражается в убежденности или, наоборот, в сомнении человека в правильности принятого решения. Уверенность побуждает человека к действию по реализации программы, сомнение заставляет осуществить всестороннюю проверку принятого решения. В результате выполнение действия задерживается.

Степень уверенности определяется рядом внешних и внутренних факторов. К числу первых относится информация: чем меньшими сведениями обладает человек и чем больше имеется кажущихся равнозначными вариантов, тем (при прочих равных условиях) он в большей степени чувствует неуверенность (Й. Лингарт [1970]; Д. Ковач [Kovac, 1960]). Способствуют неуверенности такие факторы, как неожиданная ситуация, новая обстановка, отсутствие опыта. Внутренние (психологические) факторы, вызывающие неуверенность, – это тревожность, нерешительность как личностные характеристики.

У некоторых людей (импульсивных, страстных, с повышенной самооценкой) уверенность перерастает в самоуверенность, что приводит к прогнозированию без достаточно тщательного учета всех обстоятельств и собственных возможностей. Такие личности, по наблюдению С. Л. Рубинштейна, как бы преднамеренно отдают себя во власть обстоятельств, будучи уверенными, что надлежащий момент принесет им и надлежащее решение. Поэтому считается, что некоторая степень сомнения и боязни даже ценна, так как этим гарантируется известная граница безопасности.

Но, как писал Н. А. Бернштейн, афферентные сигналы часто содержат лишь информацию о том, «что есть», но не о том, «что надо делать». В связи с этим необходим следующий этап управления: определение того, как, с помощью каких наличных ресурсов и средств можно достичь цели, «потребного будущего». Это связано с программированием действий.

Программирование действий. Программирование двигательных действий должно, во-первых, предусматривать параметры движений (пространственные, скоростные, темповые, величину необходимого усилия) и, во-вторых, ход движений в деталях. Первая функция коррелирует с задающим механизмом, вторая – обеспечивающая «кинетическую мелодию» – с программирующим механизмом (Л. В. Чхаидзе [1965]). И принятие решения, и программирование связаны со способностью человека «заглядывать вперед», т. е. *экстраполировать будущее*.

Частным видом экстраполяции является *антиципация*, или упреждающее реагирование на какие-то сигналы, движущиеся объекты.

Предвидение во многих случаях не может быть абсолютным, а носит *вероятностный характер*: даже при безусловно– и условно-рефлекторном реагировании статистический аппарат мозга вычисляет наиболее вероятный вариант действия, позволяющий достигать цели, или вариант ответа на сигнал.

Способность сопоставлять поступающую информацию о наличной ситуации с хранящейся в памяти информацией о прошлом опыте и строить на основании всех этих данных гипотезы о предстоящих событиях, приписывая им ту или иную вероятность, названа *вероятностным прогнозированием* (И. М. Фейгенберг, В. А. Иванников [1978]).

Различают объективную и субъективную вероятность. Первая характеризует, например, частоту возникновения той или иной ситуации. Вторая – это ожидаемая частота события. Субъективная вероятность может не соответствовать объективной. При отсутствии информации, когда, например, человек приступает к выполнению незнакомой задачи, он исходит из осознанного или неосознанного допущения, что события равновероятны; в действительности же, например, какое-то одно событие может случаться чаще других. Это приводит к тому, что сначала человек допускает при прогнозировании много ошибок. Приобретая опыт, он начинает приближать субъективную вероятностную оценку событий к объективно существующей вероятности, в результате чего его поведение становится адекватным ситуации.

Память, участвующая в программировании, должна хранить сведения не только о минувших событиях, но и о вероятности их наступления, и о связях между наступлением разных событий (И. М. Фейгенберг, В. А. Иванников). Известную роль в вероятностном прогнозировании играют эмоции, которые, по мнению П. В. Симонова [1975], могут восполнять недостаток информации и, окрашивая ситуацию в тот или иной эмоциональный фон (приятный или неприятный), повышать или понижать субъективную вероятность ответной реакции.

Программирование действий и деятельности осуществляется в трех возможных вариантах: при наличии полной информации, при наличии частичной информации и при полном отсутствии информации. Эти варианты соответствуют вероятности от единицы до нуля. При вероятности, равной единице, предусматривается жесткая программа деятельности; поиск как таковой отсутствует. Например, спринтер знает, что при выстреле стартера нужно начать бег. При абсолютном отсутствии информации вероятностное программирование бесполезно, поэтому при полной неопределенности поиск осуществляется методом «проб и ошибок» (У. Эшби [1964]), т. е. сводится к случайному (слепому) получению полезного результата (это соответствует внешнему поиску объекта удовлетворения потребности. К последнему варианту достижения цели ученые относятся по-разному. Одни считают его универсальным биологическим методом адаптации, другие считают частным случаем и его обусловленность видят только в отсутствии информации. Очевидно, к оценке этого способа надо подходить дифференцированно, как это делал У. Эшби: если видеть в нем просто попытку достижения цели, то это действительно «второсортный» способ; если же рассматривать его как вариант получения информации, необходимой для достижения цели, то этот способ может играть большую роль в приобретении опыта.

При промежуточном варианте (когда человек обладает неполной информацией), который встречается наиболее часто, прогнозирование затруднено и осуществляется различными способами (А. В. Родионов [1971]):

1. Человек предпочитает действовать по «жесткой» программе.
2. Он выбирает несколько вариантов и действует то по одному, то по другому варианту.
3. Он не имеет заранее обдуманного решения и действует в зависимости от ситуации, что требует высокого развития тактического мышления.

По окончании программирования следуют сигнал к реализации программы и выполнение самой программы (действие или деятельность). Этому этапу на рис. 3.1 соответствует блок Г.

Однако на этом процесс управления не заканчивается. Человек должен знать, как поэтапно и в целом осуществляется программа и в случае отклонения от нее вносить исправления, возвращающие систему в запрограммированное русло. Контроль за действиями осуществляется с помощью обратной связи и акцептора результата действия (аппарата сличения).

3.3. Сознательность и преднамеренность как признаки произвольного управления

Многие авторы определяют волю как сознательное и преднамеренное регулирование своего поведения и деятельности. Еще И. М. Сеченов писал, что всякие произвольные действия должны отчетливо отражаться в сознании человека: «Произвольное движение есть всегда сознательное» [1953, с. 113].

Естественным свойством человека является способность осознанно делать то, что требует природа.

В. Швёбель

У. Джемс рассматривал волевые акты как произвольные, преднамеренные, отражающие объект желаний (т. е. целесообразные и целенаправленные). Произвольным движениям предшествует мысль, которая воспроизводит представления об ощущениях, характеризующих намечаемый двигательный акт (кинестетические или моторные идеи). Среди произвольных актов У. Джемс выделял обдуманные действия, связанные с выбором объекта мысли из множества таковых; одни объекты вызывают движение, а другие задерживают его. В результате образуется внутреннее чувство беспокойства, называемое нерешительностью. Пока это состояние продолжается, мы заняты обдумыванием; когда же первоначальное стремление одерживает верх или окончательно подавляется противодействующими элементами мысли, то мы решаемся – принимаем то или иное волевое решение. Объекты мысли, задерживающие окончательное действие или благоприятствующие ему, Джемс называл *основаниями* или *мотивами* данного решения.

В противоположность этим взглядам Э. Торндайк [1935] полагал, что произвольные реакции образуются без участия сознания, слепо, путем «проб и ошибок». Движения, которые случайно приводят к успеху, вследствие «закона эффекта» закрепляются, а ошибочные – более не задействуются.

По мнению А. В. Запорожца [1960], критикующего эту позицию, для закрепления движений по «закону эффекта» необходим аппарат, оценивающий действия субъекта; оценка же без участия сознания невозможна. Следовательно, образование произвольных действий нуждается в работе сознания.

Экспериментальное подтверждение своей точки зрения о необходимости осознания при произвольном управлении А. В. Запорожец видел в данных, полученных его сотрудницей М. И. Лисиной [1957], которая превращала произвольные вегетативные реакции (сужение и расширение кровеносных сосудов в ответ на температурные раздражители) в «произвольные»: сосудистые реакции могли происходить по желанию самого испытуемого, под влиянием его команд.

Условиями перехода произвольных реакций в «произвольные» были:

а) совпадение индифферентного раздражителя с безусловным и образование условного рефлекса;

б) наличие ориентировочной реакции со стороны испытуемого на этот раздражитель: испытуемый должен был осознавать изменения сосудистых реакций. Без этого условия превращения произвольных реакций в «произвольные» не происходило.

Однако считать этот эксперимент бесспорным доказательством возможности перехода произвольных реакций в произвольные нельзя по той причине, что полученный автором эффект достигался с помощью косвенных приемов: неуловимых движений (идеомоторики) и создания особого эмоционального состояния. И то, и другое способно само по себе привести к изменению сосудистой реакции. По существу, в эксперименте проявилось произвольное

управление эмоциональным состоянием, а вегетативные реакции стали лишь бесстрастными регистраторами изменений в эмоциональной сфере испытуемого.

Обстоятельное обоснование связи воли с сознанием дал С. Л. Рубинштейн [1946]. Во-первых, он поставил вопрос о необходимости установления осознанной связи между потребностью и предметом ее удовлетворения для возникновения волевого действия. «Лишь тогда, когда осознан предмет, на который направляется влечение, и объективное выражение потребности становится осознанным и предметным желанием, человек начинает понимать, чего он хочет, и может на новой осознанной основе организовать свое действие. Существенной предпосылкой возникновения волевого действия является, таким образом, переход к предметным формам сознания» [там же, с. 588]. Во-вторых, С. Л. Рубинштейн поставил вопрос о том, что в волевом действии должна осознаваться не только цель, но и последствия достижения этой цели, и если возникает конфликт между достижением цели и вытекающими из этого последствиями, то такое волевое действие становится более специфическим. Все это вместе взятое приводит к сознательной целесообразности волевых действий, к подчинению произвольной импульсивности сознательному регулированию, к приобретению человеком свободы по отношению к данной ситуации, сложившимся обстоятельствам. При этом С. Л. Рубинштейн писал, что «свобода волевого акта, выражающаяся в его независимости от импульсов непосредственной ситуации, не означает, что поведение человека не детерминировано его непосредственным окружением, что оно вообще не детерминировано. Волевые действия не менее детерминированы и закономерны, чем произвольные – импульсивные, инстинктивные, рефлекторные – движения, но только закономерность и детерминированность их иная. Из непосредственной она становится опосредованной. Волевое действие опосредуется через сознание личности» [там же, с. 590].

Функция воли, отмечал В. И. Селиванов, состоит в *сознательном* регулировании человеком деятельности и поведения. Этот автор писал: «Воля – это сознательное регулирование человеком своего поведения и деятельности, выраженное в умении преодолевать внутренние и внешние препятствия при совершении целенаправленных действий и поступков» [1986, с. 112]. П. А. Рудик [1967] также определял волю как сознательное преднамеренное регулирование.

Близко к этому пониманию воли и определение, которое дал К. Н. Корнилов [1957]: воля представляет собой сознательную устремленность человека на выполнение тех или иных действий. Без участия мышления, писал Корнилов, волевое действие было бы лишено сознательности, т. е. перестало бы быть волевым. Воля (целестремленность) должна быть подчинена сознанию человека.

Приоритет сознательному управлению в понимании сущности воли отдан и Б. Н. Смирновым [1984] в учебнике для техникумов физической культуры, где воля определяется как *активная сторона сознания* человека, которая, в единстве с разумом и чувствами, регулирует поведение и деятельность человека в затрудненных условиях.

Имеется и другой взгляд на соотношение осознанности и воли. Е. О. Смирнова [1990], рассматривая произвольность и волю как самостоятельные психологические феномены, полагала, что развитие произвольности у детей определяется уровнем осознания своего поведения, а развитие воли – содержанием мотивов, побуждающих активность ребенка, и устойчивостью их иерархии. При таком понимании воля и произвольная регуляция, утверждала Е. О. Смирнова, имеют разное содержание и не совпадают по своим проявлениям. Мотивы ребенка, будучи достаточно устойчивыми и определенными, могут им не осознаваться и не регулироваться. Приведа пример Д. Б. Эльконина, писавшего: «Раз сказав “хочу” или “не хочу”, ребенок продолжает настаивать на них, несмотря на предложение более привлекательного предмета» [1965, с. 258], Е. О. Смирнова без всяких на то оснований считала, что эти действия ребенка не являются произвольными, поскольку здесь ребенок не контролирует себя, ведет

себя непосредственно и не осознает своих действий. Но если он их не осознает, то почему же он требует?

Если относительно регуляции мотивов с автором можно согласиться, то с позицией осознания мотивов согласиться трудно. Раз мотивы осознаются, то осознанность связана не только с произвольностью, но и с волей (хотя, с моей точки зрения и с точки зрения многих авторов, произвольность и воля – одно и то же и их разведение ошибочно).

Соотношение воли и сознания. В ряде работ вопрос о сознательном и преднамеренном характере произвольных действий перерос в более широкий вопрос о соотношении воли и сознания. Так, В. И. Селиванов [1986] отмечал, что неправильно считать сознание свойством воли. Воля «не стоит над личностью» в роли некой внешней по отношению к мотивации силы, а является, как и все сознание, атрибутом личности, реальным и необходимым психическим звеном в единой цепи детерминации. В. И. Селиванов отмечал, что понятие «воля» более узко, нежели понятие «сознание», следовательно, не сознание является свойством воли, а воля является свойством (функцией) сознания.

В. И. Селиванов писал, что когда говорят о воле как об активной стороне сознания или деятельной стороне разума и нравственного чувства, то этим еще не определяют волю, а лишь *относят* ее к категории сознательных явлений. Конечно, замечал он, и это приближает нас к пониманию воли, так как уже не надо искать волевые процессы среди неосознанных форм поведения человека. Определить волю – это, с точки зрения Селиванова, означает раскрыть, в чем заключается «деятельная сторона» сознания, следовательно, выделить специфические признаки воли как особой стороны сознания, признаки, не свойственные другим его сторонам.

Примечательна в этом плане полемика В. И. Селиванова [1975] с А. Ц. Пуни.

А. Ц. Пуни [1973] в любых проявлениях воли выделял три ее структурных компонента: познавательный, эмоциональный и исполнительный.

Познавательный компонент выполняет осведомительную функцию, которая заключается в поиске правильных решений, в контроле за их выполнением и самооценке результатов волевых действий. При этом человек может использовать самоаргументирование.

Исполнительный компонент проявляется в регуляции фактического выполнения решений посредством сознательного самопринуждения.

Эмоциональный компонент усиливает познавательные и исполнительные процессы. Это проявляется, по мнению А. Ц. Пуни, в самомотивировании, т. е. в привлечении моральных мотивов деятельности. При этом человек переживает чувство долга, чести, воодушевления, уверенности и т. п., усиливая тем самым энергию и активность поиска и исполнения решений.

В. И. Селиванов

А. И. Пузи

Такой подход вызвал критику со стороны В. И. Селиванова [1975]. А. Ц. Пуни, по мнению В. И. Селиванова, включает в волю фактически все сознание, что приводит к потере или, по крайней мере, к затушевыванию специфики воли как психического явления.

В. И. Селиванов полагал: это произошло потому, что А. Ц. Пуни чрезмерно акцентировал понимание И. М. Сеченовым воли как деятельной стороны разума и морального чувства.

В. И. Селиванов считал, что ничего подобного И. М. Сеченов не утверждал, а наоборот, многократно подчеркивал специфические функции воли, которые сводятся к вызову, прекращению, усилению и ослаблению движения на любой его фазе, к *осознаваемой человеком возможности вмешаться в любую минуту в движение и видоизменить его*, подавить импульсы к движению (чиханию, кашлю и пр.) и т. д.

Своеобразное понимание соотношения между сознанием и волей имелось у П. В. Симонова [1980]. Хотя он и отмечал огромное значение социально детерминированного сознания в механизмах волевого поведения человека, однако это осталось скорее декларацией, нежели руководством к действию, т. е. к анализу соотношения сознания и воли. Под термином «сознание» П. В. Симонов понимал знание, причем только такое, которое может быть передано другому, т. е. совместное, обобщественное. Другой вид знания, запечатленный в структурах мозга в виде энграмм (следов событий, объектов), он выводил за сферу сознания и относил к одному из видов бессознательного, подсознанию. Еще одним видом неосознаваемого психического является сверхсознание, надсознание. Если подсознание обогащает творчество запасами впечатлений и навыков, которые хранятся в памяти, не будучи осознаваемыми в момент решения творческой задачи, то сам поиск решения П. В. Симонов относил к надсознанию: ведь в человеческой памяти не может храниться в готовом виде то, что еще предстоит найти.

Неосознаваемость определенных этапов творческой деятельности возникла, по мнению П. В. Симонова, в процессе эволюции вследствие необходимости противостоять консерватизму сознания. Полная осознаваемость творчества, его *волевого регулирования* сделали бы творчество невозможным, писал П. В. Симонов. Вот почему процесс формирования гипотез защищен эволюцией от вмешательства воли и от контроля сознания, за которым сохраняется важнейшая функция отбора гипотез, адекватно отражающих реальную действительность.

В то же время механизм сверхсознания делает волю, по мнению автора, относительно свободной от ранее сложившихся стереотипов поведения.

Таким образом, следуя логике рассуждений П. В. Симонова, верховным правителем воли является *неосознаваемое психическое* в виде сверхсознания: захочет – устранил волю в творческом процессе формирования гипотез; а захочет – освободит ее от сложившихся стереотипов поведения, т. е. от консерватизма сознания.

Неслучайность этих утверждений П. В. Симонова подтверждают многие его высказывания о роли сознания: «Сознание само по себе не является двигателем человеческого поведения, в том числе его преобразующей мир деятельности» [1982, с. 1022]; «...Мы все еще находимся в плену традиционных представлений о сознании как верховном регуляторе поведения...» [там же, с. 1021] и др.

В. И. Селиванов [1986] считал, что главным методологическим просчетом П. В. Симонова в толковании воли было неправильное понимание сознания человека. Сознание есть высшая форма психики и в то же время главное среди всех ее проявлений. Оно характеризуется: 1) совокупностью знаний об окружающем мире; 2) отчетливым различением субъекта и объекта; 3) целеполагающей деятельностью человека и обеспечением ее регуляции (с этой функцией сознания психологи и связывают волевою активность людей) и 4) отношениями. «П. В. Симонов, – писал В. И. Селиванов, – решился урезать понятие сознания, оставив за ним только первую характеристику. В итоге сознание как высшее и главное в психике человека оказалось зажатым между двумя сферами неосознаваемого – подсознанием и сверхсознанием. П. В. Симонов допускает вмешательство сознания в сферу потребностей и мотивов только в одном

случае – когда необходимо информировать субъекта о средствах и способах удовлетворения его актуальных потребностей. Выходит, что вся другая внутренняя психическая деятельность (целеполагание, выбор, решение и др.) осуществляется вне сознания на каком-то неосознанном уровне. Но поскольку воля отнесена к категории потребностей [см. об этом параграф 1.7. – *Е. И.*] и исключается из сферы сознания, она оказывается в роли какой-то слепой силы психики и неизвестно, как она способна «купировать» негативные свойства эмоций ориентировать поведение на легкодостижимые цели» [там же, с. 116–117].

В. И. Селиванов считал, что воля – это одна из сторон сознания в целом и соотносится она со всем сознанием, а не с каким-либо частным психическим процессом. Эту позицию поддерживал и А. Ц. Пуни, добавляя, что активная (регулирующая) функция принадлежит всему сознанию.

В то же время нельзя не признать, что при понимании воли только как сознательного регулирования термин «воля» в принципе становится необязательным. И не случайно в западной психологии он в настоящее время практически не используется.

Сознательность и осознанность. Говоря о роли сознания в управлении произвольными актами, необходимо выделить два аспекта: *осознанность* и *сознательный* характер произвольных актов.

Сознательный – значит намеренный, совершенный по здравому размышлению, обдуманый. О разнице между осознанностью и сознательным характером управления писал еще С. Л. Рубинштейн: «... Я могу совершенно не осознавать автоматизированного способа, которым я осуществил то или иное действие, значит, самого процесса его осуществления, и, тем не менее, никто не назовет из-за этого такое действие несознательным, если осознана цель этого действия. Но действие назовут несознательным, если не осознано было существенное последствие или результат этого действия, который при данных обстоятельствах закономерно из него вытекает и который можно было предвидеть» [1946, с. 16].

Очевидно, исходя из такого понимания произвольности, Н. Д. Левитов, например, писал, что «недостаточно осознанная и поэтому неволевая активность имеет место, когда в распоряжении человека есть время, но никакой определенной программы деятельности нет. Так, в часы досуга человек может бесцельно бродить, читать, потом лежать, опять бродить, ничего в этих действиях не планируя, а лишь проводя время. Такое состояние непреднамеренной активности бывает у человека при длительном ожидании. Обычно это состояние характеризуется нетерпеливостью, и вот для того, чтобы скорее прошло время ожидания, человек выполняет различные, отвлекающие от предмета ожидания действия. Как будто бы эти действия целенаправленны: их цель – убить время, но чаще всего эта цель человеком не осознается» [1958, с. 156].

Здесь следует отметить два сомнительных момента. Во-первых, цель все-таки есть: убить время, занять свое сознание чем-то отвлекающим от тягостного переживания ожидания. Во-вторых, именно из-за этого тягостного переживания цель не может не осознаваться, о чем говорит и сам Н. Д. Левитов («недостаточно осознанная» не означает, что она совсем не осознана). Поэтому считать, что в данном случае проявлялась неволевая активность, нет никаких оснований. Сознательный характер любых произвольных актов определяется прежде всего тем, что им предшествует процесс мотивации, происходящий при большем или меньшем участии разума субъекта.

Если же исходить в определении произвольных действий только из их осознанности, то можно сделать ошибочные выводы. Например, безусловно-рефлекторные акты, подобные коленному рефлексу, осознаются. Поэтому Л. П. Чхаидзе [1965] причислял их к произвольным движениям. Некоторые авторы относят и отдергивание конечности при болевом раздражении к произвольным движениям, считая, что, за исключением движений, связанных с выполнением вегетативных функций организма (перистальтика кишечника и т. п.), все остальные в той

или иной мере следует отнести к произвольным, так как они всегда находятся (или могут оказаться) под *контролем* высшей нервной деятельности. В этом утверждении осознание человеком произвольного движения принимается за самоконтроль над ним. Но самоконтроль – это проверка правильности содеянного в соответствии с задуманным ранее. Ничего подобного в произвольных рефлексивных движениях нет, так как они не планируются. Они лишь отражаются в сознании, но не управляются им.

Очевидное смещение акцента в понимании механизмов произвольного движения с сознательного характера, преднамеренного планирования действия на его осознанность и привело к таким выводам.

Осознание произвольных и произвольных актов человеком имеет существенные различия. Произвольные акты (движения, внимание) всегда осознаются *постфактум*, после начала действия; произвольные действия начинают осознаваться еще *до их начала* (в виде представления об этом действии). Эту разницу хорошо показал К. Маркс на примере построения пчелой шестигранной ячейки в сотах и возведения зданий архитектором: последний, прежде чем построить дом, должен сначала спроектировать его в своей голове.

В. И. Селиванов отмечал, что в подходе к сознанию наблюдаются две крайности: или сведение высших проявлений активности к низшим (например, к неосознанным побуждениям), или, напротив, умаление значения неосознанной и мало осознанной мотивации в процессе детерминации, сведение всей психической регуляции к произвольной, сознательно-волевой. Этих крайностей следует избегать и при рассмотрении вопроса о связи воли с сознанием. Хотя в осуществлении произвольного, т. е. сознательного, управления ведущая роль принадлежит высшим отделам мозга человека – интегративным, второсигнальным и др., – это не означает, что оно оторвано от более простых механизмов управления, относимых к разряду произвольных (безусловно– и условно-рефлексивных). Произвольное управление является многоуровневым и включает в себя как высшие, так и низшие уровни управления поведением и деятельностью человека.

3.4. Связь произвольного управления с речевыми сигналами

И. С. Беритов [1961а] писал, что произвольные движения человека характеризуются наличием сознательных целей, которые намечаются для удовлетворения личных и социальных потребностей путем словесного планирования деятельности. Отсюда характерной особенностью произвольных актов является не только их сознательный характер, но и связь со второй сигнальной системой (по И. П. Павлову), т. е. с мышлением и речью.

И. П. Павлов считал, что «непроизвольное можно сделать произвольным, но достигается это теперь при помощи второй сигнальной системы» [Павловские среды, 1949, с. 337]. Человек по принципу условного рефлекса вырабатывает способность по словесному сигналу *воспроизвести* определенное *двигательное представление* и, опираясь на него, – определенный двигательный акт. Л. А. Орбели [1945] замечал в связи с этим, что обезьяна может имитировать действия человека, но объяснить ей, что следует сделать то или иное движение, нельзя.

Большая заслуга в изучении словесного управления произвольными движениями принадлежит Л. С. Выготскому. Согласно его представлениям, первоначальная роль речи в управлении произвольными движениями сводится к тому, что ребенок научается подчинять свои действия словесным требованиям взрослых (замечу – не реагировать действиями на слова взрослых, а подчинять свои действия требованиям других, т. е. самому их организовывать). В дальнейшем уже собственная речь ребенка служит организатором его поведения. При этом речь претерпевает своего рода эволюцию: вначале ребенок организует свою деятельность с помощью громкой речи, затем она постепенно свертывается, превращаясь во внутреннюю речь (А. Р. Лурия [1957]), или исчезает совсем (Е. Н. Соколов [1958]).

А. Р. Лурия писал, что у взрослого человека произвольные действия появляются как ответная реакция на внешние сигналы через обобщение словесных сигналов посредством внутренней речи. Однако у детей 1,5–2,5 лет существуют, по-видимому, более простые формы произвольного поведения, так как внутренняя речь ребенка еще недостаточно созрела, а произвольные действия осуществляются. Правда, при этом ребенок либо не может закончить движение, либо не в состоянии сделать только одно движение.

Однако в представлениях о связи произвольных реакций с речевыми сигналами имеется еще много неясного. Некоторые ученые вслед за И. П. Павловым полагали, что, применяя речевой сигнал вместо первосигнального условного, можно произвольно вызвать непроизвольные реакции (А. Г. Иванов-Смоленский [1936]; В. С. Мерлин [1953]; Н. Н. Трауготт, Л. Я. Балонев, А. Е. Личко [1957]). В соответствии с этой точкой зрения П. В. Симонов полагал, что произвольной является реакция, которая может быть осуществлена или задержана по словесному сигналу (своему или чужому), обозначающему эту реакцию или ее прекращение.

В то же время М. Н. Валуева [1967] считала такое условие отнесения реакций к разряду произвольных недостаточным. По ее мнению, истинная произвольность возникает при известном отчуждении следов ранее испытанного воздействия от ситуации, в которой это воздействие имело место. Способность использования нервных следов вне той ситуации, где они сформировались, соединение следов в новые, ранее не встречавшиеся комбинации делают поведение человека произвольным.

Хотя создание у человека новых комбинаций стимулов происходит при участии внутренней речи, она выступает в роли инструмента мышления, а не в качестве заместителя внешнего условного раздражителя. В связи с этим произвольные действия нельзя отождествлять с классическими условными рефлексами (хотя условно-рефлекторный механизм может в них и использоваться), и прежде всего потому, что *произвольные действия – это действия мотивированные*.

Участие второй сигнальной системы в произвольных реакциях еще не дает повода определять произвольность только как речевое управление поведением (хотя для инициации произвольных действий, «толчков» к их началу или для проявления волевого усилия – самостимулирования – роль второсигнальных команд велика). Во-первых, в онтогенезе речь появляется позже произвольных движений, и именно механизм произвольности служит базой для возникновения речи, а не наоборот. Во-вторых, для произвольности реакций необходимо наличие и других признаков, в частности – *наличие представлений (образа) как регулятора действий*.

3.5. Представление как компонент произвольного управления

Еще Лукреций Кар (99–45 гг. до н. э.) полагал, что источниками воли являются не только желания, вытекающие из потребностей, но и удовлетворяющие их внешние объекты, представленные в душе в виде *образов*. В отдельных случаях образы предметов, позволяющих удовлетворить потребности, могут вызываться не прямым воздействием самого объекта, а порождаться желанием, которое было связано с этим объектом ранее. Желания и чувственные образы вещей ведут к созданию образов, или «призраков движения», которые затем переходят в реальные действия. Окончательный же выбор того или другого поведенческого акта определяется разумом, основная функция которого состоит в сопоставлении и отборе представлений. По существу, Лукреций *поставил вопрос о роли представлений в мотивации и о роли идеомоторики в осуществлении произвольных движений*.

Т. Гоббс [1964] считал: признаком произвольных движений, в отличие от непроизвольных, является то, что они предваряются «призраками» (образами) движений, к которым человек стремится или от которых отстраняется. Он утверждал, что произвольные движения могут содержать в себе как одно, так и несколько представлений, предваряющих действие. Г. Спенсер [1897] также отмечал, что произвольное движение, в отличие от непроизвольного, совершается только после того, как оно предварительно было воспроизведено в сознании.

И. М. Сеченов, рассуждая о роли представлений в управлении действиями, писал, что в структуру представлений, наряду с образом, «входят, помимо внешних признаков, такие, которые открываются не непосредственно, а только при детальном умственном и физическом анализе предметов в их отношении друг к другу и к человеку» [1952, с. 489]. И не случайно, будучи обобщенными при помощи слов, представления позволяют формировать понятия, которые имеют большое значение для произвольного управления человеком своим поведением и деятельностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.